

Дебора Мартин

Сорванная вуаль (Любовь срывает маски)

Дебора Мартин

**Сорванная вуаль
(Любовь срывает маски)**

1993

Мартин Д.

Сорванная вуаль (Любовь срывает маски) / Д. Мартин — 1993

Эта женщина прекрасна и опасна. Доверять ей ни в коем случае нельзя! Она прячет лицо под маской и скрывает свое прошлое... Красавица выдает себя за цыганку, но это ложь! Она – высокородная леди. Граф Фолкем, вернувшийся в Англию после нескольких лет изгнания и нищеты, в каждом видит врага. Он никому не верит! А особенно ей – пленительной Мине, которая нуждается в его защите и навсегда завладела его сердцем.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дебора Мартин

Сорванная вуаль

Пролог

*Не надо больше слез, печальны очи,
она уж спит, спокойно спит и видит
сладкий сон.*

Неизвестный автор.

Лондон, 1661 г.

Тамара посмотрела в эти ясные, невинные глаза и почувствовала острый укол совести. Какой подлый поступок она собирается совершить – дать снотворное собственной племяннице! Но у нее нет выбора: сон милосерднее, чем смерть.

– Выпей этот чай, Мина, – уговаривала Тамара молодую леди Марианну. – Я приготовила его специально для тебя. – «Как только услышала об этом», – добавила она про себя.

В слабом свете лампы, освещавшей цыганскую кибитку, она увидела, как Марианна улыбнулась. Эта улыбка заставила Тамару еще острее почувствовать свою вину. Восемнадцатилетняя Марианна была ее единственной племянницей, единственным ребенком покойной сестры Тамары Дантелы и ее мужа сэра Генри Уинчилси. За эти годы Там-ра редко видела племянницу, но недавний переезд семьи Уинчилси в Лондон вселил в нее надежду на то, что теперь это будет происходить чаще.

Ранним утром этого дня Марианна пришла в табор повидать свою тетю. Однако во время ее посещения Тамару отозвали в сторону и сообщили страшное известие, отравившее ее радость.

Теперь она молча наблюдала, как Марианна, прикрыв глаза, медленно пьет чай, наслаждаясь ароматом ромашки.

– Маме всегда нравился твой чай, – тихо произнесла девушка. Ее губы дрогнули при воспоминании о покойной матери.

Тамара вздохнула. Она разделяла горе племянницы. Смерть Дантелы, умершей от лихорадки, стала для Тамары сильным ударом. Даже сейчас, спустя два года, она по-прежнему чувствовала острую боль, особенно когда смотрела на единственного ребенка своей сестры.

Любому, кто видел ее вместе с Марианной, показалось бы странным, что девушка с такими тонкими чертами лица может быть родственницей цыганки. С первого взгляда казалось, что Марианна, розовощекая, со светлыми, как мед, волосами, ни в чем не походила на Тамару. Однако, присмотревшись, можно было заметить и легкий бронзовый оттенок кожи, и высокие скулы, и яркие губы, которые придавали Марианне большее сходство с теткой, чем с матерью.

Воспоминание о сестре только укрепило решимость Тамары.

– Выпей все, Мина, – сказала она, заставляя себя улыбнуться. – Ты же знаешь, как полезна для здоровья ромашка.

Марианна откинула назад густые золотистые волосы и с изумлением взглянула на тетку:

– Это ты деликатно стараешься сказать, что моим щекам не хватает румянца? Ты совсем как отец, он все время беспокоится, что я провожу слишком много времени одна, за приготовлением его лекарств и за занятиями.

Марианна все же прислушалась к совету тетки и отхлебнула ароматного горячего чая.

Тамара всеми силами старалась сохранить на лице улыбку и не смотреть на фарфоровую чашку.

– Твой отец – мудрый человек. Тебе следовало бы... следовало бы быть рядом с ним каждый день, когда он оказывает услуги королю. Как иначе ты найдешь себе подходящего мужа?

– Подходящего мужа? При дворе Карла? Не говори глупостей. Кавалеры красуются перед королем, как павлины, а женщины стараются поймать взгляд его величества в надежде стать его следующей великой любовью. – Марианна нахмурилась. – Сколько он уже наплодил незаконнорожденных? Десять? Двадцать? Каждый из них получит титул и имение, в то время как люди умирают от голода на улицах Лондона. Нет, при дворе я не найду «подходящего» мужа, это точно.

Марианна снова поднесла к губам чашку.

– Следи за своими словами, детка, – предупредила Тамара. – В эти беспокойные дни опасно заводить врагов.

Марианна пожалела о сказанном, увидев тревогу на лице тетки.

– Прости меня. Поговорим о более приятных вещах, ладно?

Тамара кивнула и, заметив, что Марианна допила чай, вся напряглась:

– Мина, боюсь, что с более приятным разговором придется подождать. Я должна сказать тебе что-то очень важное. Оно не понравится тебе.

– Так покончим с этим, – беспечным тоном произнесла Марианна. – Какое страшное предсказание ты приготовила мне на этот раз?

У Тамары сжалось сердце.

– Ты никогда не простишь меня за то, что я сделала.

– Что же такого ты могла сделать, что требует моего прощения? – рассмеялась Марианна.

– Скоро ты уснешь, моя милая. Я хочу, чтобы ты была готова к тому, что ждет тебя.

Кроме других трав, в чае был корень валерианы.

Лицо Марианны помрачнело.

– Я вынуждена это сделать, – продолжала Тамара. – Мы должны уехать, и я не могу допустить, чтобы ты помешала мне.

– Ради Бога, что ты хочешь сказать? Мы должны уехать? – Марианна попыталась подняться. – А как же отец?

– Видимо, я должна сказать тебе все. – Тамара заметила, как под действием снотворного ослабела Марианна. – Твой отец арестован за измену. Обнаружилось, что в одном из его лекарств, приготовленных для короля, был яд.

– Этого не может быть! – воскликнула Марианна, снова безуспешно пытаясь встать со стула. – Эти лекарства я приготовила сама!

– Знаю, – прошептала Тамара. – В этом-то и беда. Они наверняка знают, что ты помогаешь отцу. Теперь они придут за тобой. Я постаралась сделать так, что, когда они придут, тебя здесь уже не будет.

В глазах Марианны застыл ужас.

– Но я не могу уехать сейчас! Я должна остановить это безумие! Отца оклеветали!

– Конечно. Но они не станут слушать, их не убедишь, в этом я уверена. Яд там был: тот, кто приходил предупредить меня, уверяет, что это не ошибка. Кто-то очень ловко подстроил ловушку твоему отцу. Что бы ты ни говорила, это не заставит их изменить свое решение.

– Конечно же, король не верит, что отец способен на измену! – возразила Марианна. – Его величество всегда уважал отца и доверял ему, иначе не предложил бы стать одним из придворных врачей и вступить в Королевское общество!

Тамара вздохнула:

– Мина, милая моя, послушай меня. В эти темные времена король никому не может доверять. Тот, кто выбрал твоего отца жертвой предательства, знал это. У твоего отца был необыч-

ный брак. Он всегда отказывался ввязываться в политику. Все это делает его подозрительным в глазах людей, для которых вся жизнь заключена в политике.

Марианна беспомощно смотрела на тетку.

– Но отец никогда бы не убил его величество! Это было бы против его убеждений. Он невиновен! Я должна... должна сказать им, что... – Голос девушки начал слабеть.

– И какое же доказательство ты бы им представила? – спросила Тамара. – Нет, это единственный выход. Люди уже готовятся свернуть табор. Мы уедем, как только закончатся сборы.

– Пожалуйста, – прошептала Марианна. Глаза ее закрывались под действием снотворного. – Как ты могла?! Как ты могла... усыпить меня... и лишиться воли?!

Голова девушки опустилась ей на руки.

– Мина, Мина, как я могла допустить, чтобы они отняли у тебя жизнь? – тихо проговорила Тамара, отводя рукой золотистый локон с лица племянницы.

Печально покачив головой, она встала и сильными от многолетней тяжелой работы руками подняла Марианну. Девушка была миниатюрной, как и ее покойная мать, поэтому Тамаре, крепкой женщине крестьянского склада, не составило большого труда отнести племянницу к потайному ларю, стоявшему в глубине повозки. Она открыла незаметные взгляду дверцы и положила Марианну на лежавший внутри соломенный тюфяк.

Закрыв дверцы, Тамара прошла к выходу. Нужно уехать как можно скорее, думала она, до того, как королевские солдаты выследят леди Марианну, укрывшуюся в таборе, и до того, как снотворное перестанет действовать. Сейчас это единственный шанс спасти девушку. Она не закончит свои дни в лондонском Тауэре. И если ради спасения Мины Тамаре придется лгать, обманывать или воровать, она сделает это.

Глава 1

*Вы горн так раскалите для врага,
что сами обожжетесь.*

Уильям Шекспир. Генрих VIII

Король Карл II в глубокой задумчивости вошел в гостиную своих просторных личных апартаментов. Его радовала возможность побыть немного одному. Последние отблески заходящего солнца проникали в сгущавшуюся темноту роскошно обставленной комнаты. Он обвел ее взглядом и слегка улыбнулся. Ему до сих пор доставляли удовольствие атрибуты королевской власти. Слишком долго он был лишен их.

Улыбка исчезла с лица короля, когда из тени выступил человек.

– Черт, Фолкем, ты напугал меня! – выругался король, узнав своего друга. – У тебя отвратительная привычка появляться ниоткуда и именно в тот момент, когда этого меньше всего ждешь.

– Эта привычка последние несколько лет вызвала недоумение у врагов вашего величества, не так ли? – со свойственной ему холодной улыбкой ответил Фолкем и шагнул навстречу королю.

Карл пытался строго посмотреть на стоявшего перед ним молодого человека, но не смог. Он усмехнулся, оглядев Гаррета Лайона, графа Фолкема, которого он не видел почти целый год. Внешне Фолкем мало изменился. Те же насмешливые серые глаза встретили оценивающий взгляд короля, в них лишь усилился стальной блеск. Густые каштановые волосы прямыми прядями спадали на плечи. Как обычно, Фолкем не потрудился уложить их в пышные локоны, которые были модны нынче при дворе.

И все же Карл заметил, что за этот год Фолкем приобрел еще более самоуверенный вид. Откровенный цинизм читался в его взгляде, а лицо казалось слишком суровым для его двадцати трех лет.

– Я искренне рад, что ты вернулся, – проговорил Карл. – Жаль, что в прошлом году ты не смог к нам присоединиться, когда мы торжественно въезжали в город, но, видимо, ты нашел более полезным выполнить мое поручение. Лорд-канцлер Кларендон говорит, что ты справился с ним вполне успешно.

Фолкем вопросительно приподнял бровь:

– А разве не всегда так было?

– Только если это соответствовало твоим желаниям, – пожал плечами король.

– Я делаю только то, что соответствует желаниям моего короля. Просто мой король не всегда знает свои желания.

– В самом деле, – холодно ответил Карл. – Тебе лучше бы быть поосторожнее, мой друг. Твой король может терпеть твои остроты, однако другие не сочтут их такими забавными.

– Я слишком хорошо это знаю, ваше величество.

– Следовало бы, после этих десяти лет. Я довольно часто пытался научить тебя придерживать свой острый язык. – Король нахмурился. – Боюсь, я был не лучшим компаньоном для молодого человека, только что потерявшего семью. Между моей горечью и твоей ненавистью мы взрастили нездоровую злость. Такая злость может погубить человека, если он не будет осторожен.

– Но горечь вашего величества была смягчена в конце концов. Ваши подданные наконец опомнились. – В голосе Фолкема слышалась слабая насмешка. Он лучше, чем кто-либо, знал, что теперешняя власть Карла над своими подданными была слаба.

Карл вздохнул:

– Поживем – увидим. Люди так переменчивы, за ними надо следить. Но я все же верю, что они действительно рады видеть меня снова на троне. В отличие от Кромвеля я не кормлю их вместе с мясом еще и религией.

Громкий смех Фолкема прозвучал в комнате резко и невесело.

– Нет, конечно, нет.

– Теперь, полагаю, ты, завершив дело в Португалии, пришел получить награду.

– Если ваше величество помнит, вы мне ее обещали.

– Я действительно обещал, но сожалею, что не могу нарушить обещание и таким образом оставить тебя у себя на службе.

Угрюмый вид Фолкема свидетельствовал о том, что он не оценил полушутливого замечания короля.

– Лучше служат те, кто служит по доброй воле, мой повелитель.

Карл усмехнулся:

– Это правда. И я подозреваю, что оставить тебя служить мне против воли так же опасно, как и сделать тебя своим врагом. В любом случае ты заслужил свободу, это бесспорно, как и вознаграждение, которое я обещал.

– А мое имение, мои земли?

– Они и так принадлежали бы тебе.

Лицо Фолкема по-прежнему ничего не выражало.

– Возможно. Но, говорят, мой дядя пользуется большим влиянием среди старых сторонников Кромвеля. И перейти ему дорогу означало вызвать неодобрение тех самых людей, которых ваше величество желает умиротворить.

Карл подошел к окну, выходящему в сад, и стал смотреть на кавалеров и дам, прогуливающих там.

– Мне придется рискнуть, – наконец проговорил он, с осторожностью подбирая слова. – Обещание, данное тебе, не должно быть нарушено, ибо в прошлом году без твоего участия в устройстве моего брака с инфантой я оказался бы в крайне затруднительном положении.

– Я рад, что смог услужить вам, ваше величество.

– В любом случае ты получишь свою награду – свою месть – с моего благословения. Я не доверяю твоему дяде. Он изображает из себя человека умеренных взглядов, но я знаю намного больше о его «круглоголовых» компаньонах, чем он думает.

– Кларендон рассказал мне, что «круглоголовые» покушались на жизнь вашего величества, – заметил Фолкем вкрадчивым тоном человека, привыкшего получать сведения, ничем не выдавая своего интереса.

Карл нахмурился:

– Да, это сделал один из моих врачей, которому, как мне казалось, я мог доверять. Но насколько мне известно, он не принадлежит к «круглоголовым».

– Так вы не знаете, кто стоит за этим?

– Нет, но мы узнаем. Я приказал моим людям объявить, что во время его пребывания в Тауэре его убили, убили его же друзья-заговорщики. Кларендон надеется, что слух об этом вызовет растерянность у его сообщников и толкнет их на необдуманный поступок. Кроме того, не в наших интересах, чтобы сообщники врача убили его прежде, чем мы успеем его допросить. Это дает нам время узнать от него правду.

– Ваше величество верит, что он виновен?

Король пожал плечами:

– Не знаю. Это случилось при очень странных обстоятельствах. Он недавно вернулся в Лондон, а до того почти совсем не интересовался государственными делами. Он вел довольно уединенный образ жизни в деревне недалеко от города, который ты хорошо знаешь, – Лидгейта.

Карл резко обернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление сказанное произвело на Фолкема, однако его лицо оставалось бесстрастным.

– Почему этот врач оказался в Лидгейте? – нарочито небрежным тоном спросил Фолкем.

Карл ответил не сразу. Сначала он подошел к покрытому богатой резьбой письменному столу, выдвинул ящик, что-то достал из него, а затем с мрачным выражением лица приблизился к Фолкему и положил ему в руку тяжелый предмет.

– Это все объяснит тебе. Он носил его на цепочке на шее. При аресте солдаты отобрали у него это.

Фолкем смотрел належавший у него на ладони необычной формы медный ключ. Один его конец был отлит в форме головы сокола. Лицо графа окаменело.

– Так это он купил Фолкем-Хаус у моего дяди, – уверенным тоном произнес он наконец.

Карла не обмануло внешнее спокойствие собеседника. Он почти физически ощущал гнев Фолкема.

– Да, это он, – тихо повторил король.

Он не винил Фолкема за этот гнев. Карл и сам был поражен, когда восемь лет назад узнал, что Тирл продал родовое гнездо Фолкемов. Гаррету было пятнадцать лет, когда он услышал об этом. С тех пор он пылал ненавистью к дяде.

– В те дни мир сошел с ума, Гаррет, – сказал Карл. – Люди раздавали земли, словно это были мешки с зерном.

– Но те земли были проданы их законными владельцами, а не узурпаторами, – возразил Фолкем.

– Вспомни, тогда никто, кроме твоего дяди, не знал, что ты жив.

– Теперь они знают... или узнают завтра, когда я представлю палате лордов петицию о возвращении мне моих земель.

Карл улыбнулся:

– И они удовлетворят твою петицию. А я, конечно, это одобрю.

Фолкем помолчал, глядя на ключ, затем произнес, взвешивая каждое слово:

– Этот врач, тот, что купил мое имение. Вы не задумывались над тем, что он и мой дядя могли составить заговор с целью убить вас? Их связывал Фолкем-Хаус. Может быть, этот врач знал, что вы властны над моей собственностью, как и над его имением.

Карл, рассеянно потирая подбородок, повернулся к окну.

– Или, возможно, Тирл и его сторонники решили воспользоваться этим врачом, который в глазах окружающих выглядел таким безобидным. Однако я сомневаюсь, что все это как-то связано с тобой и твоим возвращением. Вероятно, этот человек и не подозревал о твоём существовании. Но даже если бы и знал...

– Если бы он знал, ему не следовало покупать имение, – закончил за короля Фолкем.

– Ты не должен слишком строго судить его и в этом случае. В те дни все думали, что мы навеки останемся изгнанниками. Даже мы с тобой. Так думал и твой дядя.

– Это не снимает с Тирла вину за предательство.

– Нет. Все же я никогда до конца не понимал, почему так велика твоя ненависть к нему. Ты готов рисковать всем ради того, чтобы отомстить дяде.

Фолкем отвел взгляд.

– У меня на это есть причины.

– Не сомневаюсь, ты заставишь дядю пожалеть о содеянном им. Тогда ты был слишком молод, чтобы наказать Тирла, но сейчас... Я понимаю, твоя жажда мести справедлива, но не забывай: я хочу установить мир в моем королевстве любой ценой.

Одного лишь взгляда на хмурое лицо Фолкема было достаточно для того, чтобы понять: это напоминание ему не понравилось.

– У тебя есть средства на восстановление твоего имения, – продолжал король. – У тебя также есть земли...

– А как же этот врач? Вы отнимете у него Фолкем-Хаус? Закон говорит, что земли, проданные во время отсутствия вашего величества, остаются у покупателя.

– Он оказался изменником. Я, конечно, конфисковал его земли и с радостью возвращаю их тебе. Понятно? У тебя есть все, что тебе нужно. Постарайся не злоупотреблять моей добротой, не совершай в отношении своего дяди ничего такого, что могло бы поставить нас обоих в трудное положение.

– Он заслуживает возмездия, – с холодной решимостью заявил Фолкем. – И я отплачу ему, как только представится случай.

– Вот этого я и боюсь, друг мой, – проговорил король. – Эти раздоры между родственниками...

– Он родственник только потому, что женат на сестре моего отца, – перебил король Фолкем. – И это он первый разорвал родственные связи, а не я.

– Знаю. Но я говорю сейчас как твой друг, а не как твой король... Я опасюсь, что твоя месть принесет ему меньше страданий, чем тебе самому.

Резкий смех Фолкема неприятно задел короля.

– Неужели ваше величество уподобилось пуританам, утверждающим, что месть в руках Божьих? Неужели моя душа будет проклята навеки, если я заставлю Питни Тирла страдать за то, что он украл наследство у незащитного мальчишки?

Карл постарался не реагировать на резкие слова Фолкема. Он достаточно хорошо знал этого молодого человека, чтобы понимать, какие чувства вызвали их.

– Нет, я так не думаю. – Карл заставил себя улыбнуться. – Поверь мне, Господь Всемогуший поймет. Тирл уже давно посеял в твоей душе семена горечи, и теперь они прорастают. А я все думаю, сможешь ли ты помешать их побегам задушить твое сердце.

Фолкем невидящим взглядом смотрел куда-то вдаль.

– Опасения вашего величества вполне обоснованны. Но я долгие годы взращивал эти семена и не могу сейчас вырвать их ростки. Когда наступит время, я вырежу их. А нынче позабочусь о том, чтобы ростки моей ненависти к Питни Тирлу стали сильными и крепкими.

С этими словами Фолкем удалился.

Марианна с грустью смотрела на некогда ухоженные сады Фолкем-Хауса. Она хорошо помнила ту минуту, когда впервые увидела его. Ей, десятилетней девочке, привыкшей к тесноте небольшого лондонского жилища, Фолкем-Хаус показался тогда сказочным прекрасным дворцом. Возведенный во времена правления Елизаветы, как тогда было принято, в форме буквы Е, дом поражал красотой многочисленных застекленных окон и изяществом фронтонов. Один взгляд на его красные кирпичные стены заставил Марианну поверить в то, что в этом доме все будет хорошо.

Здесь прошли лучшие годы ее жизни. Жители Лидгейта, расположенного в нескольких милях от Фолкем-Хауса, охотно приняли ее мать-цыганку. Конечно, им тогда сказали, как и всем друзьям отца Марианны, что она – дочь бедного испанского дворянина. «Приняли бы они мать так сразу, если бы знали ее истинное происхождение?» – спрашивала себя Марианна.

И все же жители Лидгейта быстро прониклись симпатией к матери Марианны. Ее кроткий нрав и желание ухаживать за больными снискали ей любовь соседей. Позднее, когда им все же стало известно о том, что она принадлежит к цыганскому племени, они ревностно оберегали ее тайну от остального мира. Родители Марианны были им за это благодарны.

У девушки сжималось сердце при виде заброшенных участков. Они были дороги ей даже в теперешнем жалком состоянии. Марианна наклонилась и, сорвав веточку одичавшего

тимьяна, поднесла ее к лицу. Вдыхая приятный аромат, она вспомнила, как любили выращивать травы ее родители.

Если бы только отец был сейчас здесь, думала Марианна. Королевское общество не заслуживало его. Он не должен был уезжать в Лондон. И зачем только он взял ее туда...

Марианна старалась не расплакаться, зная, что слезы не принесут облегчения. Как отец мог умереть? Это невозможно. Его убили по какой-то непонятной причине в тюрьме. Зачем и кому нужна была его смерть? Зачем и кому нужно было делать из него негодяя, чтобы арестовать его?

– Пойдем, – прошептал ей на ухо чей-то голос, прервав горестные размышления.

Марианна обернулась и увидела свою тетю. Суровое выражение на лице Тамары заставило Марианну вздохнуть.

– Пойдем, Мина, – повторила Тамара. – Ты обещала не испытывать судьбу и не приближаться к Фолкем-Хаусу. Если кто-то чужой увидит тебя здесь, у него могут возникнуть вопросы. Все в окрестностях Лидгейта верят моему рассказу. Ты утопилась, услышав об аресте отца. Помнишь? Не давай им повода в этом сомневаться. Давай вернемся в кибитку.

Марианна не желала слушать тетку. Вид любимого дома снова пробудил чувство горькой обиды на нее.

– Ты права. Мне вообще не следует здесь находиться, – сказала Марианна с упреком в голосе. – Мне не следовало уезжать из Лондона. Тогда я была бы рядом с отцом, и, может быть, эти люди не убили бы его.

– Уверяю тебя, солдаты не пустили бы тебя в его камеру. Они бы тут же арестовали тебя. Этого ты хотела? Чтобы тебя пытали? Они заставили бы тебя сознаться в преступлении, которого ты не совершала.

Марианна мысленно признавала правоту слов тетки, но все же не могла смириться с тем, каким способом Тамара спасла ее, лишив при этом свободы выбора.

Тамара вздохнула:

– Я понимаю твои чувства, но не могу позволить тебе поддаваться им. Как и все молодые, ты бы смело рисковала жизнью, борясь с бурей. Это пустая затея.

Марианна гордо выпрямилась. Она любила тетку, но часто раздражалась из-за того, что Тамара, будучи всего лишь на двенадцать лет старше Марианны, упорно обращается с ней как с ребенком.

– Возможно, это не было бы так бесполезно, – с обидой в голосе проговорила Марианна. – Отец пользовался большим уважением. Даже король сказал, что у него потрясающий талант. Я могла бы убедить их.

Тамара невольно рассмеялась:

– Эти времена святых и дураков, Мина. А ты ни то ни другое. У тебя есть мозги. Тебя никто не стал бы слушать.

– Я бы предпочла убедиться в этом сама.

Тамара виновато отвела взгляд.

Марианна, заметив ее выражение лица, устыдилась своих слов и, взяв тетку за руку, поднесла ее к губам и поцеловала.

– Я знаю, ты поступила так, как считала нужным. Тогда это был единственно возможный выход.

Однако сначала Марианна никак не хотела этого понять. Когда она проснулась и узнала, что цыгане уже находятся на расстоянии дня пути от Лондона, она пришла в ярость. И хуже того, никакие ее слова не изменили решения тетки.

Пока они не добрались до Колчестера. Там они были вынуждены остановиться на пару дней, и там услышали страшную новость о смерти отца Марианны. Спустя несколько дней

Марианна пришла в себя от горя и решила остаться в Англии, чтобы найти убийц своего отца и восстановить его доброе имя.

Так она оказалась в Лидгейте. Марианна знала, что найдет здесь убежище и горожане не выдадут ее солдатам. У нее будет время обдумать свои намерения.

Тамара не одобрила решения Марианны расстаться с цыганами и вернуться в Лидгейт. Она спорила с ней до хрипоты, но в конце концов сдалась. Марианна была непоколебима в своем решении. Цыгане проводили их до Лидгейта, затем отправились во Францию без них.

Тамара ворчала всю дорогу. Очутившись в Лидгейте, женщины без труда нашли место, где поселиться. Марианна быстро привыкла ночевать в тесном деревянном фургоне и проводить дни, гуляя по лесу, собирая топливо. Иногда она отправлялась в город за провизией.

Чтобы содержать себя и тетю, Марианна стала заниматься лечением горожан. Она ухаживала за больными и принимала роды.

Тамара не оставляла надежды уговорить племянницу уехать.

– Еще не поздно передумать, – глядя в лицо племянницы, шептала она. – Мы можем встретиться с цыганами через несколько дней во Франции.

Марианна отрицательно покачала головой:

– Я не могу. Карты розданы, и я должна сыграть партию.

– Надо было заставить тебя поехать вместе с нами во Францию, – проворчала Тамара.

– Ты не смогла бы все время одурманивать меня, – возразила ей Марианна и, глядя на мрачное выражение лица тетки, добавила с легкой усмешкой: – Кроме того, не было необходимости тебе оставаться. Могла бы присоединиться к цыганам.

Тамара возмущенно фыркнула:

– И бросить свою племянницу на съедение волкам! Не думай, что избавишься от меня сейчас, детка. Я еще побуду здесь. Кто-то же должен удерживать тебя от безрассудных поступков.

Марианна улыбнулась и обняла тетку. Странно, но спокойная решимость, придававшая этой женщине стальную силу, подействовала на Марианну успокаивающе.

– Ты права. Без тебя я бы здесь пропала.

– Так бы и случилось, могу поклясться. И ты не забывай об этом!

Тамара кивнула в сторону уединенной части леса, где они жили в кибитке, и Марианна послушно последовала за теткой.

Неожиданно странное зрелище привлекло ее внимание.

На вершине холма, возвышавшегося перед Фолкем-Хаусом, появилась тяжело нагруженная телега. Марианна молча наблюдала за ней, ожидая, что она повернет в сторону Лидгейта.

Однако телега стала спускаться по узкой извилистой дороге, ведущей к Фолкем-Хаусу.

– Смотри! – воскликнула Марианна, обращаясь к тетке. Еще одна телега перевалила через вершину холма, за ней другая. – Кто это может быть?

На лице Тамары отразился ужас, когда она увидела незнакомцев, спускавшихся с холма.

– Быстрее! Надо бежать!

Она схватила Марианну за руку, но та не слушалась ее:

– Нет! Не сейчас. Я хочу узнать, кто сюда едет!

– Это, конечно, люди короля, и мы пропали, – в страхе бормотала Тамара. – Они явились объявить права короля на этот дом.

Марианна помрачнела, увидев на вершине холма еще одну телегу.

– Как мог его величество так поступить? Фолкем-Хаус принадлежит мне!

– Ты забыла, что все думают, что ты умерла. Некому из семьи наследовать его, и я боюсь, что ты потеряла его. Король, конечно, конфисковал дом и затем кому-то его продал.

Марианна похолодела.

– Должно быть, этот человек купил его, – прошептала она, когда на фоне заходящего солнца возник силуэт всадника.

На его лицо падала тень широкополой шляпы. Серый плащ был откинут за спину, открывая широкие плечи. Вот он проехал вдоль обоза, раздавая команды людям. Его крепкие мускулистые ноги были обтянуты черными бриджами.

– Наглец! – негромко воскликнула Марианна. – Как он смеет въезжать в мой дом, как будто он всегда принадлежал ему?!

Одна из телег начала объезжать сад, направляясь к задней стене дома. Через минуту она окажется позади них и отрежет путь к отступлению.

– Вот чего ты добились! Нам надо было ускользнуть, пока это было возможно, – прошептала Тамара.

Неожиданно незнакомец пустил коня галопом и подъехал к этой телеге. Возница остановился в нескольких футах от края сада.

– Что случилось с псарней? – резко выкрикнул незнакомец, указывая рукой на сад.

Марианна ахнула, и Тамара рукой зажала ей рот.

Псарня.

Марианна припомнила обветшалое серое строение, предназначенное для охотничьих собак, стоявшее на месте этого сада, когда ее родители купили Фолкем-Хаус.

– Они снесли псарню, милорд, – ответил возница.

Марианна узнала голос, принадлежавший человеку, который когда-то был у него конюхом.

– Кто снес? Тирл? Этот мерзавец...

– Нет, милорд. Те, что купили у него дом. Уинчилси. Сэр Генри сказал, что ему не нужна псарня, и захотел разбить на этом месте сад. – Возница медленно обвел взглядом сад. – Конечно, сад раньше был намного красивее.

Всадник оглядел заросшие сорняками дорожки и густо разросшиеся ветки живой изгороди.

– Его сад не слишком процветал в его отсутствие, не так ли? – небрежно заметил всадник. – Но это вполне справедливо, поскольку он украл у меня имение, а затем имел наглость изменить его.

Марианна вся подалась вперед, чтобы лучше слышать всадника.

– Прошу прощения, милорд, – сказал возница, – но разве вы не знаете, что это лорд... я хочу сказать «сэр» Питни, продал дом сэру Генри? Его надо обвинять, если вам хочется кого-то обвинить.

Марианне удалось разглядеть лицо незнакомца. Оно выражало такую ненависть, что девушка невольно содрогнулась.

– Я знаю, кто продал мой дом и кому продал, – отрезал всадник. – Это не извиняет Уинчилси за то, что он купил дом, которым не имел права владеть.

Марианна чуть не задохнулась от возмущения, услышав слова незнакомца. Кто он такой, чтобы так говорить? Ее отец честно приобрел этот дом. И почему конюх называет Питни Тирла «сэр Питни», а не «лорд Фолкем»?

– У вас есть право сердиться, это верно, – ответил возница примирительным тоном, невольно съеживаясь под гневным взглядом хозяина. – По крайней мере все кончилось должным образом.

– Это сделал я сам, – ответил всадник, и его глаза холодно блеснули. Он резко повернулся и гневным взглядом окинул дом. Этот взгляд заставил Марианну снова содрогнуться. – Я провел в ожидании много лет и убил не мало людей ради того, чтобы снова стать владельцем Фолкем-Хауса. Он никогда не должен принадлежать другим, никогда.

С этими словами всадник развернул коня и поскакал назад.

– Пойдем скорее, – подтолкнула Марианну Тамара, не спуская глаз со всадника. Тот уже выехал на дорогу и свернул на аллею, ведущую к парадным дверям дома. – Не мешкай. Если нас здесь застанут, возникнут вопросы, на которые ни мне, ни тебе не захочется отвечать.

– Это был его дом, – не обращая внимания на слова тетки, сказала Марианна.

Произнеся это, она поняла, что Фолкем-Хаус был для незнакомца не просто домом, в котором он когда-то жил. Он считал его своей собственностью.

– Должно быть, он был его владельцем еще до Питни Тирла, – продолжала рассуждать вслух Марианна. – Как ты думаешь, что он имел в виду, говоря, что убил немало людей, чтобы вернуть его? Кто этот... этот кровожадный человек? Ты не думаешь... ты не думаешь, что он может быть причастен к аресту отца?

Тамара испуганно посмотрела на незнакомца. Этот темный человек тоже внушал ей страх своим грозным видом.

– Не думаю, – ответила Тамара. – Он не производит впечатления человека, который интригами добивается того, чего хочет.

– Но он сделал так, чтобы дом принадлежал ему. Ты только подумай: едва арестовали отца за то, чего он не совершал, как тут же появился этот никому не известный человек и предъявляет права на имение отца. Не находишь ли ты это немного подозрительным?

– Думаю, ты со своей жадой найти врагов своего отца слишком торопишься с выводами. – Тамара указала на незнакомца. – У него действительно устрашающий вид, однако это вовсе не значит, что он виновен в каких-то преступлениях.

Марианна поджала губы и продолжала наблюдать за незнакомцем. Он слез с коня, подошел к дому и не спеша что-то вынул из кармана. Марианна не могла разглядеть, что это было, но когда мужчина шагнул к двери и вставил этот предмет в замок...

Марианна впилась ногтями в руку тетки. Ключ! Не может быть! Отец всегда носил ключ от Фолкем-Хауса на цепочке на шее.

У Марианны похолодело в груди. Не обращая внимания на предостерегающий шепот тетки, забыв об опасности, она направилась крадучись через сад к дому.

Ее влекло непреодолимое желание узнать что-нибудь об этом человеке и о том, что связывает его с отцом. Она должна узнать о ключе. Должна!

Едва только Марианна присела около живой изгороди всего в нескольких футах от входа в дом, как незнакомец разразился леденящим душу смехом.

– Теперь он мой, Тирл, вопреки тебе и этому врачу, – злорадно проговорил он и снял руку с ключа, чтобы открыть дверь.

Марианна успела лишь на мгновение увидеть ключ, но этого было достаточно, чтобы разглядеть его.

Незнакомец открывал дверь ключом отца!

Затем он с торжествующим видом переступил порог дома.

Марианна наблюдала за ним, и боль сжимала ее сердце: этот человек, владевший ключом ее отца, не мог быть ей другом.

Глава 2

*Он, оказавшись в окружении врагов, о возвращении мечтал, в тоске
пораю часто восклицал: «Ах, как были эти дни прекрасны!»*

Генри Воган. Падение

– Я бы не советовал вам сейчас снимать маску, – сказал мистер Эндрю Тиббет Марианне, когда она, войдя в его аптекарскую лавку, откинула капюшон плаща и собралась снять шелковую маску, скрывавшую ее лицо.

– Послушай разумного человека, – поддержала его Тамара.

– Но здесь, кроме нас, никого нет, – ответила Марианна. – Сегодня слишком тепло, и в маске мне жарко.

Мистер Тиббет отрицательно покачал своей лысой головой:

– Если люди в Лидгейте согласны укрывать вас, леди Марианна, то и вы должны помогать им и не открывать лицо в присутствии посторонних.

– Я так и буду вести себя, мистер Тиббет, если вы будете помнить, что меня зовут Мина, – в ответ уколола его Марианна. – Я бедная цыганка. Не забыли?

На лице мистера Тиббета появилось выражение растерянности.

– Не волнуйтесь, – поспешила успокоить его Марианна. – Вы первый, кто об этом забыл. Меня удивляет, как много горожан откликнулись на мою просьбу. Конечно, они заинтересованы в моей безопасности, ибо, если меня здесь найдут, это очень повредит Лидгейту. Мне не следовало бы подвергать всех вас такой опасности.

– Чепуха. Мы все очень обрадовались, когда узнали, что вы не утопились в Темзе. Ваше присутствие здесь нам на пользу. Четыре месяца, которые вы пробыли в Лондоне, показались нам слишком долгими, нам не доставало помощи вашего отца. Некому было лечить людей. К счастью, вы обладаете способностями ваших бедных покойных родителей. Господи, упокой их души, и мы признательны вам за то, что помогаете нам.

– Не льстите девушке, – проворчала Тамара и ткнула Марианну пальцем в бок: – Маску, Мина.

Марианна со вздохом натянула на голову капюшон и завязала тесемки маски. Обычно маски носили благородные дамы, чтобы уберечь лицо от непогоды. Марианна всегда презирала это, но с некоторых пор признала полезность этой вещи: маска скрывала ее лицо, не привлекала внимания. К сожалению, она мешала Марианне хорошо видеть и временами причиняла неудобства.

– Ну, тогда, – сказал мистер Тиббет, – чем могу быть полезен вашей милости... э... сегодня?

– Мы хотели узнать, кто купил Фолкем-Хаус, – решительно заявила Марианна.

Аптекарь судорожно сглотнул. Его и без того красное лицо покраснело еще больше.

– Я вижу, вы уже слышали эту новость. – Он огорченно вздохнул. – Надеюсь, она не очень вас расстроила.

– Никто нам ничего не говорил, – вступила в разговор Тамара. – Мы случайно оказались там, когда кто-то въезжал в дом. – Она бросила на племянницу многозначительный взгляд. – Мина не может успокоиться, пока не узнает, кто же украл у нее дом.

Марианна почувствовала, как от волнения ее руки стали влажными.

– Я имею право знать, кто он, – тихо сказала она и, наклонившись, положила дрожащие руки на прилавок. – Пожалуйста, скажите мне.

Мистер Тиббет смущенно потер нос и вздохнул:

– Граф Фолкем.

– О, детка, знатный дворянин, не меньше! – воскликнула Тамара. – Какое несчастье! Нам надо сейчас же уехать, пока ты не оказалась в большой беде!

Но Марианна отмахнулась от тетки. Что имел в виду мистер Тиббет? Единственным графом Фолкемом, которого она знала, был Питни Тирл. Марианна внутренне содрогнулась.

Если вернулся Тирл...

Она вспомнила о том времени, когда Питни Тирл, сильно нуждаясь в деньгах, продал Фолкем-Хаус за гроши ее отцу.

Спустя шесть лет, когда ему повезло, он неожиданно появился у их дверей с предложением выкупить имение обратно.

К тому времени Марианна была уже достаточно взрослой, чтобы правильно судить о характере людей, и она сразу решила, что Тирл ей не нравится. В нем было что-то такое, от чего Марианне становилось не по себе.

Она чувствовала, что этот человек способен на любое преступление.

Когда отец Марианны отказался продать Фолкем-Хаус, Тирл стал говорить суеверным жителям Лидгейта, что Марианна и ее мать – ведьмы, потому что умеют лечить и потому что в них течет цыганская кровь. К счастью, никто не слушал его. Тогда отец Марианны окончательно укрепился в решении не продавать дом Тирлу. Он был невысокого мнения об этом человеке.

– Не понимаю, – сказала Марианна мистеру Тиббету. – Если имение купил Питни Тирл, что там делал другой человек? Это был его агент? Он вел себя как хозяин.

Мистер Тиббет отчаянно затряс головой:

– Нет, нет, вы меня не поняли. Я говорю не о Питни Тирле, а о его племяннике, настоящем графе. Это он вернулся.

Прежде чем Марианна успела что-то сообразить, Тамара сердито фыркнула и крепко обхватила ее за талию:

– Настоящий граф? Выкладывайте все! Что такое с этим графом? Марианне грозит опасность?

– Не от настоящего графа Фолкема, Гаррета Лайона, – ответил мистер Тиббет. – Знаете, это странная история. Мы все думали, что его убили во время войны вместе с его родителями. Очевидно, даже сэр Питни так думал. Сэр Питни тогда был всего лишь рыцарем, но поскольку его жена оказалась единственной наследницей имения Фолкемов, он оратился в парламент и получил право на титул Фолкема. Однако, судя по тому, что я слышал, – доверительным тоном добавил мистер Тиббет, – настоящий граф на самом деле в это время находился с королем во Франции. Настоящий граф только что вернулся и потребовал вернуть ему земли. А в его земли входит и Фолкем-Хаус. Я слышал, что он пришел в ярость, когда узнал, что имение продано. Сэр Тирл не имел права продавать его, как и присваивать себе титул при живом наследнике.

– Значит, не имел? – сухо повторила Марианна. – Тогда этому... этому наследнику не следовало прятаться где-то во Франции, если он собирался вернуться и потребовать свои земли.

Негодование Марианны было так велико, что она не обратила внимания на предупреждающий взгляд мистера Тиббета.

– Нельзя сказать, что я сочувствую сэру Питни, – продолжала она, – но никто бы не купил у него Фолкем-Хаус, если бы этот наследник просто потрудился бы сообщить кому-нибудь о том, что он не погиб на войне. Ужасно эгоистично со стороны этого человека резвиться с королем во Франции, в то время как здесь все считают его умершим. Это даже на-водит меня на мысль...

– А вот и баночка с розмарином, который вам нужен, – нарочито громко проговорил мистер Тиббет, перебив Марианну. Он взял с полки баночку и резким движением поставил ее на прилавок перед Марианной.

– Розмарин? – с недоумением переспросила девушка. – Зачем мне розмарин?

– Я полагаю, – раздался неожиданно за ее спиной зычный мужской голос, – мистер Тиббет в свойственной ему деликатной манере всего лишь пытается помешать вам и дальше оскорблять мои чувства.

Вздвигнув, Марианна обернулась, нечаянно задев баночку с розмарином. Она упала на каменный пол, разбилась, и воздух наполнился острым ароматом.

Марианна едва не раскрыла от изумления рот: перед ней стоял новый владелец Фолкем-Хауса, или, если верить мистеру Тиббету, старый владелец.

Тамара придвинулась к племяннице плотнее, готовая встать на ее защиту. Марианна пребывала в нерешительности. Надо ли ей извиниться за свои слова или лучше промолчать? Чем она привлечет к себе меньше внимания? Хотя граф не мог видеть под маской ее лицо, Марианна не хотела вызвать у него интерес к себе.

Она поспешно наклонилась, чтобы собрать осколки.

Снизу ей были видны высокие сапоги графа из мягкой серой кожи. Медленно поднимаясь с осколками в руке, Марианна оглядывала его снизу вверх: шелковые чулки, кашемировые штаны, серый шерстяной плащ, закинутый за спину, камзол, а под ним сшитая из тонкого голландского полотна рубашка.

Граф смотрел на Марианну с подозрением, обратив внимание на ее странный наряд. Погода в последний месяц лета была еще не настолько холодной, чтобы надевать накидку.

Более того, только леди носили такие, как у Марианны, маски, и то только для верховой езды или на балах.

Девушка украдкой взглянула на свою тетку. По крайней мере внешний вид Тамары не должен был вызвать у графа подозрения. Хотя темная кожа и выдавала в Тамаре цыганку, но одевалась она неярко и ничто в ней не указывало на ее положение в обществе. Она легко могла сойти за компаньонку какой-нибудь бедной дворянки.

Марианна проклинала себя за то, что приехала в город. Но откуда она могла знать, что граф тоже появится здесь? Почему он не в Фолкем-Хаусе?

– Чем могу служить, милорд? – спросил мистер Тиббет, бросив суровый взгляд в сторону Марианны.

Она поняла намек и отступила назад. Фолкем перестал разглядывать девушку и перевел взгляд на мистера Тиббета:

– Много времени прошло, не правда ли, мистер Костоправ?

На лице графа появилась приятная улыбка. Она так не вязалась с его суровым, даже немного устрашающим видом.

Мистер Тиббет, казалось, был удивлен той теплотой, которая слышалась в голосе графа. Аптекарь невольно улыбнулся в ответ:

– Да, милорд, много. Те дни, когда вы называли меня «мистер Костоправ», остались так далеко позади, что я не подумал бы, что вы помните мое прозвище. И правда, я думал, что никогда больше не увижу вас в этой жизни.

– Я рад, что кому-то в Англии приятно меня видеть, – сказал Фолкем, бросив короткий насмешливый взгляд в сторону Марианны. – Не всякий желал встать на мою сторону. Друзья моего дяди, «круглоголовые», некоторые из них до сих пор у власти, хотели бы видеть меня лишенным всякого наследства, если бы смогли это сделать, и рассчитывали извлечь из этого для себя пользу.

– Теперь, спаси нас всех Господь, – коротко заметил мистер Тиббет. Фолкем поднял бровь, и аптекарь спохватился: – Примите мои извинения, милорд. Я... я только хотел сказать, что лучше, когда в Фолкем-Хаусе живете вы, а не сэр Питни. – Граф Фолкем ничего не ответил, и мистер Тиббет продолжил еще более неуверенным тоном: – Позвольте вас заверить, что мы здесь, в Лидгейте, сделали бы больше, чтобы помешать ему, если бы знали о его предательстве. Он сказал, что вы умерли вместе с вашими родителями, и он забрал ваши имения, как будто

они принадлежали ему, как будто он имел на них право! Мы поверить не могли, когда этот негодяй продал Фолкем-Хаус...

Мистер Тиббет осекся и побледнел, поняв, какое впечатление могут произвести его слова на Марианну и Тамару.

Граф улыбнулся зловещей улыбкой:

– Дорого бы обошлось этому негодяю, если бы я вернулся и нашел имение проданным. Парламент возвращал владельцам большинство имений, захваченных Кромвелем, но кроме тех, что были проданы в уплату налогов и семейных долгов.

Марианна мгновенно сообразила: граф не мог бы претендовать на Фолкем-Хаус, если бы ее отец не умер. От этой мысли она оцепенела.

– Фолкем-Хаус был бы потерян для вас, – тихо проговорил мистер Тиббет, словно прочитал мысли Марианны. – У вас возникли бы трудности, если... если бы дело повернулось по-другому.

Мистер Тиббет смущенно замолчал.

– Да. Дело повернулось в нужную сторону, – заключил граф.

Марианну всю трясло от гнева и страха.

– В любом случае я уверен, что все в Лидгейте ужасно рады, что теперь вы владеете имением, а не сэр Питни, – поспешил сгладить неловкость мистер Тиббет. – Вы будете хорошим хозяином Фолкем-Хауса.

Граф мрачно улыбнулся и неожиданно обратился к Марианне:

– А что вы думаете, мадам? Ваши симпатии на моей стороне? Вы тоже думаете, что я буду хорошим хозяином?

Марианна не ответила, сознавая, как опасно вступать в разговоры с этим человеком.

Глаза графа потемнели от гнева.

– Конечно, нет. Без сомнения, вы предпочитаете видеть в имении этого сэра Генри или даже сэра Питни вместо законного владельца.

Усилием воли Марианна заставила себя промолчать. Глаза жгли подступившие слезы.

Снова заговорил мистер Тиббет, пытаясь сменить тему разговора:

– Конечно, нас огорчает утрата сэра Генри, но мы рады, что вы вернулись. Я знаю, что вы бы глубоко переживали потерю Фолкем-Хауса, если бы сэр Генри был жив и сохранял права на это имение.

– Этого бы не произошло, – уверенно заявил граф.

– Почему нет? – не выдержав, спросила дрожащим голосом Марианна.

Граф пристально посмотрел на маску, скрывавшую ее лицо.

– Я предложил бы ему столько денег, что он бы с радостью согласился продать мне мое имение. К счастью, такая ситуация даже не возникала. Сейчас эта собственность свободна. Его величеству было более чем приятно вернуть мне Фолкем-Хаус и остальные земли.

Мистер Тиббет, казалось, был чем-то обеспокоен.

– Осмелюсь сказать, это не понравится вашему дядюшке. Сэр Питни всегда был жадным тираном с грандиозными планами и склонностью к... э... насильственным методам достижения своих целей.

– Я не боюсь дяди, – коротко ответил граф. – Теперь он должен уже понять, что самой большой ошибкой в его жизни была кража моего наследства. И если то, что я вернул себе Фолкем-Хаус, не доказывает этого, я без колебаний представлю другое доказательство. В любом случае я проучу его, даже если придется учить его снова и снова.

От угрозы, звучавшей в словах графа, у Марианны по спине пробежали мурашки. Этот человек был явно одержим желанием вернуть свои земли, думала она. Такой человек может сделать что угодно. Он способен подвести под арест невиновного, если это послужит его целям. Неужели ее первые подозрения были верны?

– С вашего позволения мы уходим, господа, – вмешалась в разговор Тамара и подтолкнула племянницу к двери.

Марианне, сгоравшей от желания услышать еще что-нибудь, не хотелось уходить. Но предостерегающий взгляд тетки напомнил ей, что сейчас не время и не место выяснять то, что интересовало ее. Марианна, вздохнув, нехотя завернулась в накидку и направилась к двери.

– Пожалуйста, оставайтесь, я не хочу мешать вам закончить ваши дела, – услышала она голос графа. – Мне бы хотелось побольше узнать о том, как приятно я проводил дни во Франции.

Марианна с досады скрипнула зубами. Граф явно желал наказать ее, и ей хотелось сцепиться с ним, но она не смела. Тамара предпочла не заметить вызова в словах графа.

– Мы закончили наше дело, милорд. Благодарю вас за любезность, – сказала она лживым тоном, каким часто разговаривала с джентльменами, посещавшими цыганский табор.

Однако, очевидно, слова Тамары не удовлетворили Фолкема. Он шагнул вперед и положил руку на дверную ручку, как бы собираясь открыть перед дамами дверь, однако делать это не спешил.

– Я вижу, ваша спутница проглотила язык, – обратился Фолкем к Тамаре, не спуская глаз с маски на лице Марианны. – Как жаль, мне так хотелось услышать ее пылкие высказывания. Но не могу ли я хотя бы узнать ваши имена?

Марианна понимала что граф не увидит сквозь маску ее лицо, однако чувствовала, как краснеет под его пристальным взглядом.

– В конце концов, – с сарказмом в голосе продолжал Фолкем, – я так долго здесь не был и потерял связи с теми, кто когда-то служил моему отцу. Мне бы хотелось как можно скорее возобновить знакомство с жителями Лидгейта.

Марианна сомневалась в его истинном интересе к «жителям Лидгейта». Скорее всего он просто хотел узнать, кто оскорбил его, чтобы потом отомстить.

Тетя поспешила исправить положение и, сделав неглубокий реверанс, представилась:

– Я Тамара, а это моя племянница Мина. Вы должны извинить ее за маску. Видите ли, это оспа, милорд. Моя племянница переболела ею, когда была еще совсем молодой, и ее лицо теперь обезображено.

Марианна едва не ахнула от изумления. «Вот и позволь тете объяснить, почему я ношу маску, и та найдет самое обидное объяснение», – с недовольством подумала она.

Фолкем перевел взгляд с Тамары на Марианну:

– Простите, я не хотел быть любопытным.

Марианна почувствовала, что он не верит словам тетки.

– Нам действительно пора идти. – В голосе Тамары послышались просящие нотки. От волнения она еще сильнее сжала руку Марианны.

Граф с наигранной любезностью распахнул перед дамами дверь:

– Ни в коем случае не позволяйте мне задерживать вас. Я уверен, мы еще встретимся.

Оказавшись за дверью, Тамара чуть слышно шепнула Марианне:

– А я уверена, что не встретимся... если смогу этому помешать.

Как только они отошли достаточно далеко, Тамара набросилась на племянницу:

– Видишь? Ты должна была слушаться меня! Нас чуть не узнали! Нам надо немедленно уехать из Лидгейта.

– Ничто не заставит меня сейчас уехать, – решительно заявила Марианна. – Тетя Тамара, может быть, он из тех, кто арестовал отца! Ему нужно было имение отца. Возможно, он решил, что лучший способ получить его – это избавиться от отца навсегда!

– Ты хочешь сказать, подсыпать яда и обвинить в этом твоего отца? Но это значило и рисковать жизнью короля.

– Это правда, но мы не знаем, что произошло с этим ядом. Он мог и не подвергать опасности жизнь его величества, а только сделать так, чтобы это выглядело, как будто это сделал отец! Человек, обладающий такой властью, может сделать что угодно, чтобы добиться чьего-то ареста.

Тамара внутренне содрогнулась.

– Да, я понимаю. Этот граф действительно может быть опасен. Это меня и пугает. Если он узнает, кто ты...

Марианна рассмеялась:

– Да как он узнает? Ты удачно придумала причину, по которой я могу постоянно носить маску. Это была блестящая мысль, тетя Тамара. Но надо ли было делать меня такой безобразной? Сначала ты всем рассказываешь, что, когда я услышала о смерти отца, я утопилась в Темзе, как какая-то безумная Офелия, а теперь ты обезобразила меня на всю жизнь. Не сомневаюсь, твоими стараниями через год от моей репутации останутся только клочья.

– Лучше репутация в клочья, чем твоя шея в петле на виселице, – парировала Тамара.

– Не беспокойся, – с уверенностью в голосе произнесла Марианна. – Я хочу быть повешенной не больше, чем ты – видеть меня в петле.

– Этот граф может сказать свое слово!

Марианна похолодела, вспомнив, как граф пристально смотрел на нее и как говорил о своей мести Питни Тирлу.

– Я просто буду избегать его, – ответила она.

Тамара сокрушенно покачала головой:

– Боюсь, этого графа будет нелегко избегать. Будь осторожна, детка, не попадись в его западню.

– Он, вероятно, уже забыл обо мне, – сказала Марианна, но ее сердце еще долго трепыхалось в груди от пережитого волнения.

Глава 3

*Будь осторожен,
чтобы страсти не помешали правому суду,
суда иного свобода воли не допускает.*
Джон Мильтон. Потерянный рай

Усталая до изнеможения, Марианна выскользнула из маленького тесного домика, где только что принимала роды у миссис Эйкен. Бедная женщина ужасно страдала, но наконец произвела на свет двух мальчиков-близнецов, чем привела в восторг своего мужа, потому что до этого у них рождались только девочки.

Марианна с отвращением натянула на голову капюшон и завязала тесемки маски, которая ей страшно надоела. Ей хотелось отбросить всякую осторожность и отказаться от нее, но она знала, что тетя будет ругать ее, если застанет без маски.

Марианна медленно и без боязни шла по ночным улицам Лидгейта, считая этот город родным. Он казался ей надежной крепостью. Здесь среди его мужественных жителей она обрела рай.

Вдруг на другом конце темной улицы возник силуэт худощавого мужчины. Увидев Марианну, он направился к ней. Чувствуя себя в безопасности, Марианна не испытывала страха. Люди часто искали ее, когда нужна была помощь их заболевшим близким.

– Это вы цыганская знахарка по имени Мина? – подойдя ближе, спросил незнакомец.

Марианна не могла не заметить его волнение.

Она утвердительно кивнула, и мужчина, издав вздох облегчения, схватил ее за руку и потянул в ту сторону, откуда появился.

– В кабачке мне сказали, чтобы я искал вас здесь. Слава Богу, нашел – бормотал он, широко шагая.

– Может быть, вы скажете, куда вы меня ведете? – спросила Марианна. Незнакомец был так уверен, что она согласится пойти с ним, или был настолько взволнован, что даже не представился и не спросил, пойдет ли она с ним.

Поняв свою оплошность, мужчина остановился:

– Простите, мадам. Я не сказал вам? Я камердинер его сиятельства, Уильям Крэшоу. Его сиятельство лежит раненый. В кабачке мне сказали, что вы можете помочь.

У Марианны все похолодело внутри.

– Его сиятельство?

Мужчина утвердительно кивнул и снова потянул Марианну за руку вперед.

– Граф! – с раздражением в голосе проговорил он. – Конечно, вы о нем знаете.

Марианна с ошеломленным видом смотрела на Уильяма. Она не могла прийти на помощь Фолкему, не рискуя быть разоблаченной! Но не могла же она не помочь раненому. Что же ей делать?

Вдруг она вспомнила о мистере Тиббете. Да, это то, что надо. Аптекарь сможет позаботиться о графе, если рана не слишком серьезная.

– Как тяжело его сиятельство ранен?

– Очень тяжело, – резко ответил молодой человек. – И ему станет еще хуже, если мы будем торчать здесь! На дороге на него напали два человека. Один проткнул ему бедро. Он умрет, если не остановить кровотечение и не перевязать ногу!

Марианна побледнела.

– Есть мистер Тиббет...

– Пуританин! Я не хочу, чтобы такой человек даже приближался к моему хозяину, – презрительно фыркнул Уильям. – Но я в таком отчаянии, что обратился бы и к нему, однако его нет дома. В кабачке мне сказали, что хозяину можете помочь вы. Но если вы слишком брезгливы, чтобы перевязать рану...

– Не беспокойтесь, я умею перевязывать раны! Когда я осмотрю вашего хозяина, в зависимости от тяжести ранения мне, возможно, потребуется отправить вас снова к аптекарю. Слуга мистера Тиббета даст вам нужные снадобья.

Марианна могла бы послать Уильяма в кибитку к Тамаре, но она предпочитала, чтобы люди графа не знали, где она живет. Нет, когда мистер Тиббет уходил, его слуга всегда оставался в лавке. Он сможет послать ей все, что потребуется.

Сердце Марианны громко стучало. Ей никогда не приходилось обрабатывать тяжелые раны, хотя она сотни раз видела, как это делал отец. Как она сможет перевязывать рану графа, зная, что, может быть, из-за него арестован ее отец? Как она может коснуться его, когда ужасно боится, что он узнает, кто она?

Марианна вздохнула. Но разве можно не помочь графу? Она поклялась помогать сохранять жизни, как клялись ее отец и мать. Возможно, жизнь этого человека не заслуживает, чтобы ее сохраняли, но кто она такая, чтобы это решать? Жизнь есть жизнь. Она должна сделать все, чтобы спасти его жизнь.

Марианна ускорила шаги, чтобы не отставать от слуги графа. Когда они поднялись на холм, она увидела свой старый дом и сердце у нее сжалось. Он был там, в доме, том, который отобрали у ее отца!

В том месте, где дорога поворачивала к Фолкем-Хаусу, Марианна вдруг остановилась. Она вспомнила, как они с матерью поздно ночью возвращались домой после того, как провели вечер у постели больного ребенка. Этот граф, возможно, устроил заговор против ее отца. Как же она может помочь ему? И может ли она?

Уильям прошел еще несколько шагов, прежде чем заметил, что Марианна остановилась. Он обернулся:

– Послушайте, мадам. Я бы послал человека за Боджером, но тот живет слишком далеко. Боюсь, он не сумеет приехать вовремя. Но если вы не можете помочь его сиятельству, я подожду врача. Я не могу позволить вам допустить ошибку, за которую ему придется заплатить потерей ноги.

При упоминании о Боджере Марианна похолодела: этот врач погубил больше жизней, чем спас.

Мысль, что этот недостойный человек будет резать чью-то ногу, ужаснула ее. В конце концов, она же не уверена, что граф виновен в аресте ее отца. И если он умрет невиновным...

Марианна, приняв решение, инстинктивно расправила плечи.

– Я не лишу графа ноги, если только ее уже невозможно спасти. Но заверяю вас, если вы допустите к нему Боджера, граф тогда окажется ближе к могиле, чем к выздоровлению. Вы можете доверить мне его лечение.

– Тогда пойдете, – тихо сказал слуга, поворачиваясь в сторону дома. – Мы теряем драгоценное время.

Спустя несколько минут они вошли в дом. Марианна шла рядом с камердинером через знакомые комнаты, и сердце ее наполнялось болью.

Неожиданно громкие проклятия нарушили тишину дома. Марианна поспешила в спальню, откуда доносились эти звуки.

То, что она увидела, войдя в комнату, повергло ее в ужас. Один из слуг графа, судя по его виду, старый солдат, стоял наклонившись над графом с пустой чашкой в руке. А сам граф сидел, вытянув перед собой ногу, на старой кровати родителей Марианны. Над огнем в камине

висел котелок, и она почувствовала запах кипящего масла. Боль исказила лицо графа, и он осыпал проклятиями всех, кто находился поблизости.

В эту минуту Марианна забыла обо всех своих подозрениях и страхах. Она видела лишь бессмысленные страдания человека, попавшего в руки неуклюжего лекаря, применявшего устаревший и бесполезно жестокий способ очищения ран.

– Если хоть одна капля упадет на его кожу, – пригрозила Марианна, становясь рядом с солдатом и вырывая у него чашку, – я сварю тебя в этом котле!

– Но, мисс, мы должны выжечь яд, – возразил солдат, невольно отступая от одетой во все черное фигуры в маске.

– «Выжечь яд», подумать только! Вон отсюда, вон! – возмущенно воскликнула Марианна, отталкивая упрямого старого солдата. Ее тошнило от запаха горелого мяса.

– Уилл, ради Бога, убери его отсюда! – превозмогая боль, командовал Фолкем.

Уильям прошептал что-то на ухо старику, и тот, ворча, ушел.

– Надеюсь, вы пришли не мучить меня дальше, – сердито сказал граф.

Марианна взглянула на ярко-красную опухшую кожу, обожженную маслом, и пришла в ужас. Она должна была бы получать удовольствие, видя страдания графа, но ей хотелось убежать, чтобы не видеть этого. Марианна поспешно вынула из сумки мазь и стала смазывать ею обожженное место. Когда она дотронулась до раны, граф болезненно поморщился. Тошнота подступила к горлу Марианны при виде рваной раны на его ноге.

– Рана очень серьезная, – сказала она, стараясь сдержать дрожь в голосе. – Но заживет быстро. Благодарите судьбу, что у них не было пистолетов.

– У одного был, – сквозь стиснутые зубы сказал Фолкем. – Но он оказался плохим стрелком, и мне удалось вырвать у него пистолет. К несчастью, шпагой он владел лучше, чем я полагал.

– А он не ожидал, что вы еще лучше, – сказал Уильям, стоявший у Марианны за спиной.

Марианна старалась не обращать внимания на страх, охвативший ее при этих словах. Она молча подошла к тазу с водой, который кто-то поставил около стола, смочила чистые полотенца, лежавшие рядом, и медленными осторожными движениями начала промывать рану.

– Разбойники часто нападают на дорогах в этих местах? – спросил Уильям, наблюдавший за ее работой.

– Это первый случай, о котором я слышу, – коротко ответила Марианна.

– Это были не разбойники. – Желваки заходили на скулах графа.

Уильям взглянул на хозяина:

– Вы думаете, за ними стоит Тирл?

– Наверняка. Ему не понравилось, что я вернул себе имение. Теперь он еще и боится меня. Он знает, как мне хочется перерезать ему горло. И если бы не король...

Граф замолчал и пристально посмотрел на закрытое маской лицо Марианны. Она вся напряглась.

Ее сердце громко стучало, а движения уже не были такими уверенными.

– А вы рассказали констеблю о нападении? – спросила она, чтобы как-то поддержать разговор.

– В этом нет необходимости, – ответил Уильям, заглядывая ей через плечо. – Его сиятельство оставил их обоих лежащими на поляне с распоротыми животами.

– Довольно, Уилл! – резко перебил слугу Фолкем. – Не надо, чтобы молодая женщина слышала о таких вещах.

– Совершенно с вами согласна, – торопливо ответила Марианна, почувствовав, как ее затошнило. – Я питаю отвращение к убийству.

Фолкем услышал в ее тоне презрение и улыбнулся:

– Вы бы предпочли, чтобы они убили меня?

Марианна подавила в себе желание сказать «да», но только лишь потому, что не была абсолютно уверена, что граф заслуживает смерти. Она сурово посмотрела на него:

– Конечно, нет, но мне бы не хотелось слушать, как небрежно говорят о смерти.

– Простите меня. За последние годы мы с Уиллом слишком привыкли к убийствам. Служа у герцога Йоркского, мы побывали во многих сражениях.

Марианна снова осмотрела ногу, на этот раз обратив внимание на многочисленные шрамы. Она знала, что люди герцога Йоркского, служившие во французской, а затем в испанской армии, завоевали почет и славу. Этот человек был одним из его солдат.

Он, должно быть, видел слишком много смертей. А сколько жизней отнял он? Марианна содрогнулась от этой мысли.

Она закончила осмотр: рана не очень глубокая. Наложить швы, сделать припарки, и через несколько дней граф будет ходить, подумала она. Марианна скользнула взглядом по покрытой волосами ноге графа.

«О нет!» – ужаснулась она, только сейчас заметив, насколько обнажено его тело. Марианна почувствовала, как румянец заливает ее лицо. Она и раньше видела голых мужчин, находясь рядом с отцом, когда тот оказывал им помощь. Но этот мужчина так отличался от них. Он не зарос щетиной, не был грязным и грубым, как те солдаты, которых лечил отец.

Взгляд Марианны скользнул дальше, туда, где густой пучок волос, как она понимала, окружал его...

Она отвела глаза и вдруг заметила, что граф внимательно наблюдает за ней. Она посмотрела ему в глаза и чуть не задохнулась. Взгляд его ясных серых глаз, казалось, проникал сквозь маску, проникал в ее мозг, он словно читал ее нескромные мысли.

– Так как, – спросил он с легкой усмешкой, – вы сумеете это спасти?

Марианна еще больше растерялась. Ей показалось, что граф имеет в виду что-то другое, а не свою ногу.

– Да, конечно, но надо послать вашего слугу к аптекарю, мне кое-что потребуется.

– Только скажите, что вам нужно, – откликнулся Уильям, не заметивший странной улыбки хозяина, и направился к двери.

– Скажите слуге, чтобы он дал баночку мази аконита, – ответила Марианна.

Уильям кивнул и открыл дверь.

– И, Уильям, – добавила Марианна, с опаской взглянув на графа, – пусть слуга передаст моей тете, что я вернусь поздно.

– Если вы скажете, где живете, я передам ей это сам.

– Нет!

Оба мужчины испытующе посмотрели на Марианну.

– Я хочу сказать, что вам самому не стоит беспокоиться. Просто пошлите слугу. И не... э... говорите ей, кто мой пациент. Моя тетушка придет в ужас, если узнает. Просто пусть слуга передаст, что я скоро вернусь. Тетя Тамара привыкла, что я возвращаюсь поздно, она поймет.

Когда Уильям ушел, Марианна огорченно вздохнула. Тетя Тамара придет в ярость, когда узнает, где она была. Со дня их встречи у мистера Тиббета тетя много раз настойчиво повторяла, как важно для Марианны не попадаться на глаза графу.

– Почему ваша тетя придет в ужас, узнав, что вы лечите меня? – спросил Фолкем.

Марианна, достававшая толстую иглу и крепкую черную нитку из кожаного мешочка с травами, замерла. Она вдруг осознала, что осталась наедине с очень опасным для себя человеком.

– Прошу прощения, милорд, но моя тетя не доверяет дворянам, – ответила она, пытаясь не выдать охватившего ее волнения.

– Почему же? Разве дворяне менее приятны или менее достойны доверия, чем цыгане? – рассмеялся Фолкем.

– Некоторые из них отвратительны, – сердито ответила Марианна.

– Как и некоторые цыгане. Может быть, вашей тете просто попадались не те дворяне.

Марианна не ответила, понимая, что спор с графом ни к чему хорошему не приведет. К тому же в его словах была доля правды. Мать Марианны как-то намекнула, что какой-то дворянин разбил сердце Тамары, что и стало причиной ее презрения к дворянам, которых она считала слабыми и мягкотелыми щеголями.

Марианна взглянула на Фолкема. Этот граф явно не походил на тех людей благородного происхождения, которых презирала ее тетка. Это вызывало сожаление. Поскольку он был далеко не глуп, его пребывание в Фолкем-Хаусе делало положение Марианны еще более удручающим.

Хорошо, что он ранен и не может преследовать ее, если она вдруг будет вынуждена бежать. В то же время она была почти уверена, что если он захочет преследовать ее, он, раненый или нет, сделает это.

Ей просто надо убедиться, что у него нет такого желания. Марианна посмотрела на иглу, в которую уже вдела нитку. После того как она наложит швы, вероятнее всего, он никогда больше не захочет, чтобы она приближалась к нему. Марианна поморщилась, представив себе, какую боль причинит сейчас графу.

И тут же она напонила себе о том, кто перед ней. Она оглядела комнату, которую граф выбрал для себя. Это была спальня ее родителей. Неприязнь Марианны к Фолкему возросла, когда она увидела, как он переделал комнату. Старые любимые кресла и письменный стол ее отца заменили новой ореховой мебелью, лишенной теплоты и уюта. Ее взгляд упал на окровавленную шпагу, лежавшую на роскошном ковре.

«Граф – жестокий убийца, – сказала Марианна себе. – Он заслужил эту боль, от которой теперь страдает, и лучше поскорее закончить с этим неприятным делом».

– Я собираюсь зашить вашу рану, так она лучше заживет, – сказала Марианна, снова подходя к кровати. – Вам будет больно.

– Больнее, чем сейчас, уже не может быть, но я надеюсь, вы умеете орудовать иглой, – язвительно заметил граф.

– Разве вы не знаете? Мы, цыгане, славимся своим умением шить, – сказала Марианна и, вонзив иглу в его тело, протащила нить.

– Вы не цыганка, – проговорил граф сквозь стиснутые зубы.

Марианна так растерялась от услышанного, что нечаянно уколола его.

– Черт побери, женщина, – закричал Фолкем, – я вам не подушка для иголок!

– Простите, – стараясь сохранять спокойствие, тихо произнесла Марианна. – Что вы хотите сказать, заявляя, что я не цыганка?

– Для цыганки вы говорите слишком правильно. У вашей тети есть акцент, а у вас нет. У вас речь образованного человека.

Марианна судорожно сглотнула. Этот человек слишком проницателен. Она должна дать ему какое-то объяснение, но какое? И тут Марианна вспомнила, что однажды сказала ее тетка: наилучшая ложь – та, что всего ближе к правде.

– Мой отец был благородного происхождения, – ответила Марианна. – Цыганкой была моя мать.

– Так вы незаконнорожденный ребенок? Это объяснило бы вашу правильную речь, но лишь в том случае, если бы вас воспитывали как дворянку. Вы хотите сказать, что ваш отец признал вас?

Слава Богу, граф сделал желательный для нее вывод, и ей почти не пришлось лгать.

– Да. Я росла в его доме, пока он не умер, – с трудом проговорила Марианна. Ей хотелось, чтобы смерть отца была неправдой. – После этого его семья не захотела принять меня, поэтому я уехала к тете. С тех пор она заботится обо мне.

– У вас была тяжелая жизнь, – сочувственно произнес граф.

– Моя жизнь не была такой уж ужасно тяжелой, напротив, я была очень счастлива. Для меня жизнь похожа на заросший сад. Можно вообще не обращать внимания на сорняки, а можно трудиться в поте лица, выпалывая их. В обоих случаях важны только цветы.

Взгляд графа стал холодным.

– Некоторые сады слишком запущены, чтобы их возрождать. Лучше сровнять их с землей, – с горечью в голосе проговорил он.

– Вероятно. Но тогда надо обязательно посадить новый сад.

Фолкем хрипло усмехнулся:

– Я вижу, вам обязательно нужны цветы. И что бы ни сделали с вашим садом, вы добьетесь, чтобы в нем росли цветы.

– Полагаю, я говорю слишком весело с человеком, которого только что ранили разбойники.

– Немного. Или, может быть, немного наивно.

– А что вы знаете о тяготах жизни, милорд? – спросила Марианна, слегка уязвленная его словами. – Разве вы страдали, рождая ребенка, или видели, как голодают дети? Вы видели смерть на полях сражений, это правда, но вы, без сомнения, упивались своей славой. Я видела, как смерть забирала тех, кто ее не заслуживал, кто умирал только потому, что родился не в той семье. Такие, как вы, никогда не видят этих страданий. Нет, такие, как вы, только причиняют их.

Граф пристально смотрел на Марианну.

– Вероятно, не только ваша тетя не любит дворян.

Она отвернулась, смущенная своей вспышкой. Она не имела ничего против дворян. Да и не могла иметь. Ее отец был баронетом. Но в то же время относилась к титулованным особам не так, как другие. Мать открыла ей глаза на страдания простых людей, научила ее относиться к ним, как к любым другим людям. Именно поэтому ее отцу так не хотелось служить при дворе. Несмотря на то что он всегда был на стороне роялистов, он был почти доволен правлением Кромвеля. Он даже начал думать, что, может быть, нет ничего ужасного в том, что государством управляет весь народ, а не малочисленная кучка.

Теперь двор вернулся – бездельники дворяне во главе с распутным королем. Марианна взглянула на графа. Может, он и кажется другим, но в душе такой же, как и все «кавалеры». Он с предубеждением смотрит на мир, ни разу не испытывал чувства отчаяния и безнадежности, знакомые беднякам.

Марианна принялась со злостью рвать простыню на бинты.

– У меня такое ощущение, что вам хотелось бы не простыню, а меня разорвать на мелкие куски, – спустя некоторое время проговорил граф.

– Не говорите глупостей, милорд, – резко ответила Марианна. – Мне же надо чем-то перевязать вашу ногу.

Граф усмехнулся:

– Если я не ошибаюсь, у вас достаточно бинтов, чтобы перевязать обе ноги.

Марианна остановилась и посмотрела на кучу полотна, разорванного ею.

– Наверное, достаточно, – с сожалением сказала она.

– Если вам действительно необходимо столько бинтов, может быть, следует нанести рану и на другую ногу? – насмешливо спросил граф. – Кажется, у вас есть огромное желание сделать это.

Марианна попыталась ответить таким же шутливым тоном:

– Может, и следует. Тогда я могу попробовать способ лечения вашего старого слуги на другой ноге.

Граф помрачнел:

– Только если вы этими бинтами привяжете меня к кровати. Я под страхом смерти запрещаю ему применять свое лекарское искусство и приближаться к моим владениям ближе чем на сотню миль.

В это время вернулся Уильям с мазью.

– Ваша тетя подняла шум, – проворчал он.

Марианна дрожащими руками взяла у него мазь.

– Как вы нашли мою тетю?

– Она была в лавке аптекаря, пыталась бедного слугу, куда пропала ее племянница. Видимо, надеялась найти вас там.

Марианна, затаившая дыхание, облегченно вздохнула.

– Понятно, – прошептала она и принялась щедро наносить мазь на рану.

Уильям скорчил гримасу:

– Она отругала меня. Сказала, что вы не нанимались в прислуги к горожанам и вам, как и любому человеку, требуется отдых. Потом она рассердилась на меня, потому что я не сказал, где вы. Я сказал, что с вами все в порядке, но она все равно отчитывала меня. Сказала, что я должен помнить, что вы невинная девушка, и даже пальцем не трогать вас.

Марианна с досадой прикусила губу, заметив, что последние слова весьма заинтересовали графа.

– Моя тетя слишком осторожна. Не обращайтесь на нее внимания, – тихо сказала Марианна, осторожно забинтовывая ногу графа.

– Не так просто не обращать внимания на такую злоязычную женщину, как ваша тетя, – ответил Уильям, усаживаясь на стул возле кровати графа. – К тому же и без острого языка трудно не обратить на нее внимания, – загадочно добавил он.

Но казалось, граф понял, на что намекал Уильям.

– Не старовата ли для тебя эта цыганка? – усмехнулся Фолкем.

– Не так уж она стара, милорд. И совсем неплохо выглядит.

Фолкем засмеялся, но Марианна с силой затянула повязку на его ноге, и он осекся.

– Если вы, джентльмены, закончили обсуждение моей тети, то я бы хотела показать Уильяму, как ухаживать за раной.

Наступившее молчание заставило Марианну поднять голову. Мрачного, угрожающего взгляда графа хватило бы, чтобы заставить робкую душу бежать отсюда без оглядки. Но Марианна не была робкой душой. Она спокойно встретила взглядом с графом.

– Разве вы не вернетесь сменить повязку? – с угрозой в голосе спросил Фолкем.

Несмотря на то что горящий камин освещал всех находившихся в комнате, лицо графа казалось темным от гнева. В душе Марианны шевельнулся страх, но она не поддавалась ему.

– Я уверена, Уильям прекрасно справится с перевязкой.

Она закончила завязывать бинт, когда граф схватил ее руку.

– Я бы предпочел, чтобы вы это делали сами, – тихо сказал он и еще крепче стиснул руку Марианны, когда она попыталась отдернуть ее.

– Пожалуйста, милорд, – сказала Марианна, ее сердце тревожно забилося, – в этом нет необходимости. А меня ждут другие больные.

– Но Уильям может повредить рану, – возразил Фолкем.

Сила, с которой он удерживал ее, пугала Марианну.

– Я... я уверена, что он сумеет сделать все, что я ему скажу.

– Возможно... – рассеянно ответил граф.

Он схватил Марианну за другую руку и некоторое время пристально рассматривал ее.

– Скажите мне, Мина, как случилось, что на ваших руках нет следов оспы? – наконец спросил граф, с подозрением глядя на девушку.

Марианна растерялась.

– Я... я не знаю, – заикаясь произнесла она.

– Разве не странно, что ваше лицо так пострадало, что вы носите маску, а ваши руки гладкие и мягкие, как у ребенка? Насколько я знаю, так не бывает при оспе.

Свободной рукой граф медленно сдвинул край рукава к локтю.

– Вы врач, – продолжал он. – Так скажите, бывает ли так, что оспа беспощадна к одному месту на теле и щадит другое?

– Это бывает, – ответила Марианна.

Нарастающий внутри ее гнев заглушал страх перед графом. Да как он смеет так бесцеремонно обращаться с женщиной, которая признается, что стыдится своей внешности?!

– А как ты думаешь, Уильям? – обратился к слуге граф. – Ты когда-нибудь слышал, чтобы оспа была так разборчива?

– Сейчас же отпустите меня, милорд! – возмущенно воскликнула Марианна, пытаясь вырвать руку из цепких пальцев графа.

Фолкем насмешливо скривил губы:

– А что, если я захочу и дальше исследовать это странное явление?

Марианна раздраженно ответила:

– Тогда лишь подтвердите то, о чем я все время думала: несмотря на все ваши внешние признаки джентльмена, вы так же порочны, как и остальные придворные короля!

Улыбка исчезла с лица графа.

– А что может знать цыганка о королевских придворных?

Марианна мысленно обругала себя за свой язык и ответила:

– Как и все, я слышала разные истории. Как предается двор тайным недопустимым развлечениям. Как джентльмены, подобные вам, вылезают из постели одной распущенной женщины лишь для того, чтобы залезть в постель другой. Неужели вам так надоели красавицы, что вы пристаёте к бедной, обезображенной оспой девушке, едва она успела закончить перевязывать вашу рану?

Граф мгновенно отпустил ее руку.

– Ах да, мои раны, – равнодушным тоном сказал он. Затем он взглянул на забинтованную ногу, и на его лице появилось выражение недовольства оттого, что его воле препятствуют, и одновременно отвращения к самому себе за свое поведение. – Вы хорошо справились с моей ногой. Я не имел права смущать вас. Я вам очень благодарен за заботу.

– Уже все забыто, – отмахнулась Марианна, стремясь сбежать из этой комнаты, пока он снова не начал допрашивать ее.

– Но не мною. И я не собираюсь оставить ваше искусство без вознаграждения. Уилл, принеси мне кошелек.

– Нет, пожалуйста, не надо! – запротестовала она, боясь снова остаться наедине с графом.

Уильям задержался в дверях, ожидая распоряжения хозяина.

Фолкем вопросительно поднял брови:

– Ваши услуги должны быть оплачены. Я достаточно хорошо знаю цыган, и знаю, что они ничего не делают, если не ожидают вознаграждения.

Марианна пропустила мимо ушей оскорбление, прозвучавшее в словах графа. В эту минуту ей так хотелось уйти неузнанной, что ей было все равно, что он говорил.

– Я... я не беру денег за свои услуги, – объяснила Марианна, надеясь, что сейчас граф отпустит ее.

– Наверняка ваша тетя не столь великодушна. Скоро я поговорю с ней...

– Нет!

Бурный протест Марианны вызвал в графе любопытство.

– Я... я хочу сказать, – залепетала она, – что она скажет то же самое. Я лечу для собственного удовлетворения, а не ради денег. Тетя зарабатывает шитьем, этого нам вполне достаточно. Пожалуйста, милорд, не беспокойтесь о нас.

Фолкем так пристально посмотрел на Марианну, что ее сердце сжалось от дурного предчувствия. Наконец он коротко кивнул:

– Как хотите.

– Благодарю вас. Но теперь я должна идти, пока моя тетя не начала волноваться.

– Но вы вернетесь, чтобы сменить повязку? – спросил граф.

Его требовательный тон не понравился Марианне.

– Если возникнет такая необходимость, – неохотно ответила она.

«Я не солгала», – говорила Марианна себе позднее, вспоминая, что граф, похоже, принял ее слова за обещание. Если она будет ему нужна, она, конечно, вернется, но в этом не будет необходимости. Он сильный и здоровый, и рана быстро заживет. Если вдруг Уильям будет спрашивать о ней мистера Тиббета, аптекарь сможет научить его менять повязки. Ей больше не придется встречаться с этим страшным графом. Но если он разыщет ее, она как-нибудь сумеет избежать его любопытства.

«Сумею», – убеждала себя Марианна. Но воспоминание о силе, с которой граф Фолкем держал ее за руки, рождало в ней сомнения.

Глава 4

Где есть вина, там есть и гнев и безрассудство.
Бен Джонсон. Сиджанс, его падение

Марианна поклялась себе, что не вернется в Фолкем-Хаус. Она и не думала, что снова окажется здесь. Спустя всего лишь пять дней она снова стояла в великолепном зале, протянувшимся во всю длину второго этажа дома.

«Я ничего не могла сделать», – убеждала мысленно она себя. Мистер Тиббет сказал, что граф тяжело болен. Что оставалось делать? Марианна старалась найти причину, из-за которой наложенные ею швы и припарки не помогли. С каким бы подозрением она ни относилась к графу, мысль о том, что он страдает от боли, вызывала у нее сострадание.

Марианна украдкой взглянула на тетку, которая на все смотрела с явным подозрением и опаской. Интерьер зала, в котором они находились, разительно отличался от того, каким он был во времена, когда дом принадлежал отцу Марианны. Хотя картины и гобелены по-прежнему украшали его стены, но на них были изображены не мирные картины с пастушками и не почтенные предки Уинчилси, а битвы и сражения. Со стен на Марианну смотрели портреты мужчин и женщин, имевших большое сходство с графом. Картина с двумя почти обнаженными пышнотелыми женщинами, полулежащими в присутствии двух джентльменов, заставила девушку сильно покраснеть. Но что-то было притягательное в этих буйных темных красках и этой откровенной чувственности, и вопреки своему желанию Марианна смотрела на них.

Казалось, даже мебель здесь служила для устрашения. Дорогие, с искусной резьбой кресла, стоявшие в огромных оконных нишах, старинный мраморный стол в классическом стиле, крышку которого поддерживали ножки в форме злобно усмехающихся сатиров. Марианна отвернулась, чтобы не видеть их злых глаз, и наткнулась взглядом на еще более страшное зрелище.

Часть зала была отведена под необычное собрание оружия. Перекрещенные испанские рапиры, острые блестящие сабли и украшенный драгоценными камнями турецкий ятаган придавали обстановке зала зловещий вид. «И какой человек повесит такие ужасные изображения войны на стены? – подумала Марианна и сама себе ответила: – Человек, который желает напомнить всем сюда входящим, что с ним нельзя шутить». Новый владелец Фолкем-Хауса был закаленным в битвах солдатом, привыкшим к крови, раненым и ужасам войны.

«Тогда почему он так тяжело переносит ранение шпагой?» – в недоумении спрашивала себя Марианна. Рана была не тяжелее тех, что он получил в битвах. Она хорошо очистила ее и плотно зашила. Рана не должна была загноиться, и граф не должен теперь лежать без сознания в лихорадке.

Тетя Тамара, конечно, не верила этому. Как только мистер Тиббет сказал, что услышал о плохом состоянии графа от Уильяма Крэшоу, Тамара сразу же заявила, что это все выдумки, ловушка, чтобы заманить Марианну в Фолкем-Хаус.

– Это безумие, – ворчала Тамара, когда они ожидали, пока слуга доложит Уильяму об их приходе. – Поверить не могу, что ты опять сюда пришла.

Марианна сама верила в это с трудом, но вслух об этом не сказала.

– Мистер Тиббет опасается за жизнь графа.

– Но мистер Тиббет был против того, чтобы ты шла сюда. Он даже и не видел Фолкема, поэтому не может поручиться за его состояние.

– Я говорила тебе, Уильям никогда не допустит мистера Тиббета к своему хозяину. Он мне говорил, что не доверяет пуританам.

Тамарафыркнула:

– А ты не должна доверять дворянам. Ты сделала глупость, когда впервые оказалась рядом с графом. Если бы не твоя маска, кто знает, что могло бы случиться?

Марианна виновато посмотрела на свои руки. Она помнила твердые длинные пальцы Фолкема, обхватившие ее запястья. Она не призналась тетке, как близка была она в ту ночь к разоблачению. Мог ли Уильям подстроить ловушку, сказав, что граф очень болен, или это была правда?

В любом случае Марианна оказалась в очень опасном положении. Если Фолкем действительно болен, то горожане могут подумать, что она намеренно мешает его выздоровлению.

Марианна взглянула на Тамару:

– Ты думала, что произойдет, если граф умрет?

Тамара замерла, выражение беспокойства не сходило с ее лица.

– Если дворянин с его титулом умрет после моего лечения, моя судьба решена, – мрачно проговорила Марианна. Горожане не посмеют защитить меня, а как только солдаты узнают, что Мина и леди Марианна – одно лицо, меня арестуют. Разве ты не понимаешь? Я должна помочь графу, иначе я заплачу за его смерть своей жизнью.

Тамара блеснула черными глазами:

– К ночи мы могли бы быть далеко отсюда.

– Я не могу бросить человека на верную смерть, – с жаром возразила Марианна. – Кроме того, даже если мы сбежим, на этот раз они будут охотиться за мной, пока не поймают. Меня оставили в покое только благодаря твоей хитрости.

Тамара ненадолго задумалась, затем, вероятно, осознав правоту племянницы, расправила плечи и сказала:

– По крайней мере я смогу защитить тебя от этого нахала Уильяма и его страшного хозяина, когда ты займешься своим делом.

– Для этого ты и здесь, не правда ли? – чуть насмешливо спросила Марианна.

Она вдруг представила себе, как Тамара срывает со стены одну из сабель и бросается на защиту чести своей племянницы.

Тем временем в доме происходило что-то непонятное. Если в зале царила атмосфера горя и уныния, то в других частях дома было весьма оживленно. На лестнице слышался топот ног, в дальней комнате что-то, фальшивя, насвистывал лакей. Через зал шумно проследовали три служанки, с нескрываемым любопытством смотревшие на Марианну и Тамару. Их, казалось, несколько не волновало здоровье хозяина.

Прежде чем Марианна успела по-настоящему встревожиться, в зал вошел Уильям. От его худощавой гибкой фигуры веяло спокойной уверенностью.

– Так вы пришли, – подойдя, негромко сказал он, старательно избегая взгляда Марианны.

Нежелание Уильяма смотреть в глаза испугало ее. Неужели они пришли слишком поздно?!

– Он... он умер? – спросила Марианна.

Вздрогнув, Уильям посмотрел ей в лицо:

– О... о нет, с ним все хорошо... То есть его лихорадит. Сейчас он немного отдыхает, но... – Заметив Тамару, стоявшую позади Марианны, он умолк, а затем настороженно спросил:

– Что вы здесь делаете?

– Я, конечно, пришла помочь племяннице, – ответила Тамара.

Марианна заметила, как потеплели глаза Уильяма при взгляде на ее тетку. Они смотрели друг на друга как-то по-особенному. Марианна вспомнила, что Уильям встретился с Тамарой в лавке аптекаря в ту ночь, когда был ранен граф.

Не спуская глаз с Тамары, Уильям взял Марианну за руку и потянул за собой.

– Пожалуйста, пройдите в комнаты хозяина. Вы знаете, где это, – тихо сказал он, кивнув в ту сторону, откуда пришел.

Когда Тамара шагнула вперед, намереваясь последовать за племянницей, он рукой остановил ее:

– А вы останетесь здесь.

Марианна оглянулась на Уильяма с подозрением:

– Почему она не может пойти со мной?

– Да, почему? – вмешалась Тамара, скрестив руки на своей пышной груди. – Куда Марианна, туда и я, сэр. Дайте мне пройти, если хотите, чтобы она вошла к графу.

Уильям перевел взгляд с одной женщины на другую.

– Вы его не увидите, – сказал он, обращаясь к Тамаре и становясь между ней и Марианной. – Я не допущу, чтобы вы его сглазили и ему стало бы хуже.

Когда Тамара, хмыкнув, рванулась вперед, Уильям схватил ее за плечи:

– И так уже плохо то, что ваша племянница могла бы убить его. Вместе вы наверняка сможете убить его. Нет, я буду держать вас здесь и послежу, чтобы девушка «случайно» не навредила ему.

– Послушай, ты, зловерный негодяй, ты не смеешь говорить так о моей племяннице... – гневно произнесла Тамара.

Но Марианна не разделяла возмущения тетки, ибо слова Уильяма встревожили ее. Она пошла вперед, полная решимости узнать, почему ее лечение не помогло графу.

– Ничего, тетя, – оглянувшись, произнесла Марианна, направляясь в хозяйские апартаменты. – Побудь здесь. Да и что больной человек может мне сделать?

Марианна торопливо прошла по сводчатым коридорам и, приблизившись к апартаментам графа, на минуту остановилась. Что ожидает ее за этой дверью? Если граф при смерти, сумеет ли спасти его? Она должна, ибо от этого, может быть, зависит ее жизнь и жизнь ее тетки.

Замирая от страха, Марианна толкнула тяжелую дубовую дверь и вошла в освещенную мягким светом комнату. В недоумении она застыла на пороге. Постель была пуста. Но где же граф? Не перенесли ли его в другое место? Придя в волнение от этих мыслей, Марианна намеревалась уже уйти, чтобы расспросить Уильяма, как вдруг услышала у себя за спиной звук открывающейся двери. Она мгновенно обернулась и оказалась лицом к лицу с графом Фолкемом.

Он, одетый в жилет, белую рубашку голландского полотна и темно-синие штаны, стоял, небрежно прислонясь к двери и опираясь на здоровую ногу. Граф выглядел немного бледным, но, глядя на него, нельзя было сказать, что он страдает от лихорадки.

– Как хорошо, что вы пришли, – тихо проговорил Фолкем. Его серые глаза неотрывно смотрели на маску, как будто он видел сквозь нее. Неожиданно улыбка появилась на его лице.

Увидев графа живым и здоровым, Марианна пришла в ярость:

– Значит, моя тетя была права и ваши «призывы о помощи» – обман! Как вы смеете?! Как вы смеете пугать меня тем, что я довела вас до смертного порога, а сами при этом живы и здоровы?!

Улыбка на лице графа стала еще шире.

– Вы беспокоились обо мне?

– Я беспокоилась, что ваш человек может бросить меня в тюрьму за то, что я убила его хозяина. Вот о чем я беспокоилась. Вы – подлый мерзавец! – гневно воскликнула Марианна. – Что заставило вас распространять такую ложь? Или вы просто ненавидите цыган? Неужели вам так противно прикосновение цыганки?

Граф отошел от двери, и Марианна заметила, как он поморщился, ступив на больную ногу.

– Честно говоря, я предполагал поблагодарить вас, – холодно проговорил он.

– Погубив мою репутацию... распространяя злостную ложь и слухи для того, чтобы горожане шарахались от меня? Какая же это благодарность?

Глаза графа темнели и темнели, пока не стали цвета стали. Он решительно шагнул к Марианне:

– Уилл пытался разыскать вас, но никто не захотел сказать ему, где вы живете. Даже создалось впечатление, что никто не хочет подтвердить, что вы существуете. И это единственный способ, который я смог придумать, чтобы привести вас сюда, дабы выразить свою благодарность. Скажите мне, кто-нибудь в Лидгейте обвинил вас? Кто-нибудь обидел вас из-за моей маленькой хитрости?

Ответ был готов сорваться с губ Марианны, но она не спешила. Кто-нибудь обидел ее? Нет. Ее страхи разжигались ее же тревогой и ее отчаянным положением, а не чьими-то словами. Конечно, мистер Тиббет беспокоился, что она может нечаянно навредить графу и тогда за ней явятся солдаты, но он, несомненно, не обвинил бы ее в том, что она сделала это нарочно. Все же у нее было достаточно оснований для страхов, и ее возмущало, что граф отнесся к этому с таким пренебрежением.

– Никто в Лидгейте не обвиняет меня... пока, – ответила Марианна, – но здесь часто относятся к цыганам с подозрением, и ваша «хитрость» не улучшила положение, в этом я уверена.

Фолкем нахмурился. Его лицо неожиданно напомнило Марианне когда-то увиденную ею картину, на которой мстительный Сатана хмуро смотрел на Создателя. Содрогнувшись, она плотнее запахнула накидку, только теперь сообразив, как опасно оставаться с графом наедине.

Он как будто не заметил ее жеста, но подошел ближе.

– Я приношу извинения за неудобства, которые могла причинить моя уловка. Но как можно обвинять меня за то, что я хотел найти женщину, которая спасла мне ногу? Что я хотел еще раз каким-то образом вознаградить ее? Если желаете, вы можете добавить мой последний... э... необдуманный поступок к моему долгу перед вами. Долгу, который мне не терпится уплатить.

Слова графа мало тронули Марианну. Теперь, когда ее гнев немного остыл, к ней вернулась осторожность. Сейчас не время осуждать графа, который обладает достаточной властью, чтобы ее арестовали. Она должна быть осмотрительна.

– Можете считать, что оплатили ваш долг. Видеть, что вы здоровы и что мне удалось облегчить вам боль, для меня достаточная награда, – ответила Марианна с легким сарказмом. – А сейчас мне лучше уйти, пока тетя не начала беспокоиться обо мне.

Она стала обходить графа, продвигаясь к двери, но он схватил ее за плечо:

– Вы не можете уйти, не позволив мне полностью оплатить мой долг.

Марианна попыталась вырваться. От страха ее сердце готово было выскочить из груди. Пристальный взгляд графа, устремленный на ее маску, приводил Марианну в ужас.

– Пожалуйста... отпустите меня, – задыхаясь, попросила она.

Что-то в ее дрожащем голосе, должно быть, подействовало на графа, потому что он убрал руку с ее плеча, однако дорогу не уступил.

– Я не требовала вашей благодарности, – захлебываясь словами, проговорила Марианна. – То, что я делала для вас, я бы сделала для любого человека. – Она остановилась, всей душой жалея, что не послушалась тетки и не держалась подальше от Фолкем-Хауса. – Я уже отказалась от платы, и нам не о чем больше говорить.

– Но я хочу предложить нечто лучшее, чем монеты. Я слышал, что в Лондоне есть врач, которого зовут Милберн, он делает чудеса со следами оспы. Он заявляет, что может полностью убрать их и кожа станет мягкой и гладкой, как у младенца. Я отправлю вас к нему. Это самое малое, что я могу сделать для женщины, которая спасла мне ногу, а может быть, и жизнь.

Марианна резко подняла голову и, потрясенная, уставилась на графа. Предполагалось, что у нее на лице ужасные шрамы. О Боже! Она и подумать не могла, что такое может слу-

читься. Теперь она уже не считала такой блестящей идеей объявить, что она обезображена оспой.

Марианна вдруг насторожилась. Почему граф сделал ей такое предложение? Она тоже слышала о Милберне. Отец считал этого человека шарлатаном, но кое-кто утверждал, что он им помог. Милберн большей частью лечил богатых и всегда вытягивал из своих пациентов большие деньги. Мог ли Фолкем действительно иметь намерение потратить такую огромную сумму денег на то, чтобы отправить цыганку лечиться в Лондон, особенно если «лечение» Милберна могло оказаться всего лишь мошенничеством? Было удивительно даже то, что он подумал об этом.

Или мог? Марианна смотрела на графа сквозь прорези маски и видела, как он перевел взгляд с ее рук на шелк, скрывающий ее лицо, и обратно на руки. Не могло бы это предложение быть просто уловкой, чтобы узнать, что она прячет? Как она сможет отказать ему, не возбуждая подозрений?

– У меня нет желания обращаться к этому доктору, – сказала Марианна, лихорадочно соображая, как обосновать свой отказ. – Я научилась жить с моей... э... необычной внешностью. Если этот доктор не сможет мне помочь, я буду страдать гораздо сильнее, чем до сих пор.

Она надеялась, что такой ответ удовлетворит графа, но напрасно.

– Сначала вы показались мне храброй женщиной, – сказал он, старательно сдерживая раздражение. – Не думал, что вы настолько трусливы, что вас испугали предложенные мною награды за спасение моей жизни.

Марианна пыталась по лицу графа определить, старается ли он понять, что она говорит неправду о причинах, заставляющих ее носить маску, или он искренне хочет «спасти» ее. К сожалению, выражение его лица ни о чем ей не говорило.

– Я не боюсь вашей награды, милорд, – гордо подняв голову, произнесла Марианна. – Просто я не верю, что старания этого врача не окажутся напрасными. Но благодарю вас. Уверена, ваши намерения благородны.

– Подумайте, какие возможности мой подарок откроет перед вами. Может быть, он поможет вам найти мужа, который заботился бы о вас лучше, чем это может делать ваша тетя.

– Я уже сказала, что не приму вашего подарка, милорд, – ответила Марианна дрогнувшим голосом. – Я рада, что вы полностью поправились, но меня нельзя заставить терпеть пустое любопытство жестоких чужих людей, когда мне самой невыносимо видеть собственное лицо. Шрамы на нем так глубоки, и оно слишком уродливо.

В этот момент граф неожиданно схватил Марианну за плечо и протянул руку к капюшону ее накидки.

– Позвольте мне, пока вы не отказались от моей помощи, самому взглянуть на ваше «уродливое» лицо. – Он откинул капюшон и дернул за завязки маски. – Если то, что вы сказали, правда, вы можете без лишних слов покинуть этот дом.

– Нет! – в панике выкрикнула Марианна, но граф уже снял с нее маску...

Глава 5

*Всем безупречна красота ее,
Когда ее наряды украшают,
Но истинную вижу красоту,
Когда одежды все с нее спадают.*
Неизвестный автор. Мадригал

Снимая с цыганки маску, Гаррет полагал, что готов ко всему. Но то, что предстало перед его взором, поразило его. Бархатные карие глаза, широко распахнутые, смотрели на него со страхом. На лице не было никаких шрамов, а кожа была светло-золотистого цвета – не темно-оливкового, как у цыган, и не молочно-кремового, как у леди, прячущейся от солнца.

Граф смотрел на нежный овал девичьего лица, яркие, сочные, как персик, полураскрытые губы. Теперь он мог поверить, что отец девушки был аристократом. Но, вглядываясь в ее лицо, упрямую линию подбородка и неукротимый блеск в глазах, Гаррет заметил, что ее внешность не во всем следовала образцу благородной леди.

Ее создала природа, чтобы интриговать, очаровывать... соблазнять.

Граф продолжал откровенно разглядывать Марианну, наслаждаясь неожиданно представшей перед ним красотой, а она, по-видимому, придя в себя, хотела взять шелковую маску, но его пальцы сдавили ее запястье.

– Не надо, – приказал Гаррет чуть хрипловатым голосом и медленно повернул Марианну так, чтобы солнечный свет из зарешеченного окна падал на ее лицо.

– Вы не имеете права, – прошептала она.

Граф не обратил внимания на страх, промелькнувший в глазах девушки, и лишь улыбнулся, когда солнце осветило ее лицо. Его рука невольно потянулась к ее лицу. Он осторожно провел пальцем по ее щеке, восхищаясь гладкостью и нежностью кожи.

– Кажется, вы действительно не нуждаетесь в услугах Милберна, – многозначительно сказал Гаррет.

Марианна покраснела, нежный румянец окрасил ее щеки. Она слегка наклонила голову в сторону, пытаясь уклониться от ласкающей ее руки.

– Вы и не собирались отвезти меня к нему, не так ли? – с сарказмом спросила Марианна. – Все это – и ваше предложение, и ваша ложь – имело целью разоблачить меня. Я права?

Граф некоторое время молча смотрел на Марианну, затем пожал плечами:

– Не совсем. Но ваша история с оспой выглядела фальшивой. Как же еще я мог проверить свои подозрения? Уверяю вас, если бы то, что вы говорили, было правдой и вы приняли бы мое предложение, я отвез бы вас к Милберну.

Марианна откинула назад голову и скептически посмотрела на графа:

– В самом деле. А сейчас, сэр, когда вы удовлетворили свое любопытство, я хочу уйти.

Ее слова не только рассердили его, но и показались вызовом. Неужели она думает, что он так просто позволит ей уйти? Мысли о ней слишком мучили его во время выздоровления. Прежде чем он отпустит ее, он должен что-то о ней узнать.

Марианна попыталась протиснуться мимо него, но он помешал ей.

– Удовлетворил свое любопытство? Нисколько. Вы только разожгли мой интерес. Какие еще тайны скрываются за этими прекрасными глазами? Например, может быть, для начала вы мне расскажете, почему носите маску?

Марианна с опаской взглянула сначала на руку графа, удерживающую ее, затем подняла глаза и сказала:

– Я не думаю, что это касается вас, милорд.

Гаррет чувствовал, что девушка боится его. Она, казалось, приготовилась бежать, как кошка, как только откроется дверь. Но он не позволит ей ускользнуть, пока не получит ответы на некоторые вопросы.

– Меня касается все. – В голосе графа прозвучала угроза. – Это мои владения. Мне не нравится, когда две неизвестные цыганки бродят по ним, особенно когда одна из них прячет свое лицо и говорит неправду. Это наводит меня на мысль, что она задумала что-то дурное.

– Я ничего не задумала, – решительно заявила Марианна, подняв подбородок. – Разве недостаточно того, что я спасла вам жизнь? Неужели вам надо обязательно знать, почему я предпочитала скрывать свое лицо, когда лечила вас?

Гаррет почувствовал укол совести, но предпочел не обращать на это внимания. Он должен узнать причину, по которой девушка прятала свое лицо, хотя бы для того, чтобы убедиться, что она не приспешница его дяди, явившаяся шпионить за ним.

Могли быть, конечно, и другие, заставлявшие ее скрываться, причины, которые он должен узнать. Цыгане способны почти на все. Он слишком часто сталкивался с ложью и обманом, чтобы доверять цыганской девушке, даже такой красивой, как эта.

– Вы совершили какое-то преступление? – наугад спросил Гаррет. – Вы прячетесь от солдат или стражников?

На какое-то мгновение в глазах девушки появился страх, но она быстро справилась с ним и гордо вздернула подбородок:

– Нет, милорд, я скрываюсь от таких же, как и вы, джентльменов, которые не находят лучшего занятия, чем преследование таких, как я, – цыган.

Резкий ответ удивил графа. Не приходилось сомневаться, что эту девушку нелегко запугать. Он усмехнулся:

– Почему вы думаете, что я буду преследовать вас?

Его усмешка разозлила Марианну не меньше, чем сам вопрос.

– А разве вы не держите меня здесь против моей воли? Разве вы обманом не заманили меня в имение? Это достаточное доказательство того, что вы намерены причинить мне зло. Вот из-за таких, как вы, тетя Тамара думает, что разумно скрывать мое лицо и фигуру. Это было и остается моей единственной защитой.

Граф взглянул Марианне в лицо:

– Я понимаю, почему ваша тетя считает необходимым защищать вас. Но почему надо прятать ваше лицо? Не лучше было бы выбрать вам покровителя?

Марианна от изумления широко распахнула глаза.

Гаррет улыбнулся:

– Я вижу, вы понимаете, что я имею в виду. Вы молоды и привлекательны. Вы легко могли бы найти вместо ворчливой тети кого-нибудь, кто оберегал бы вас от мира.

Марианна посмотрела на него уничтожающим взглядом. Почему она пришла в такую ярость? Она вела себя как леди, дорожившая своей репутацией.

– Только безнадежный мерзавец может предложить такой выход!

Мерзавец! Не совсем подходящее слово, чтобы выразить те чувства, которые пробуждала в Гаррете близость этой девушки.

«Как приятно было бы взять эту прелесть под свое покровительство!» – подумал он и окинул взглядом ее фигуру, скрытую накидкой.

– Цыгане с давних пор ищут покровительства у благородных людей.

Всем своим видом девушка показывала, что оскорблена.

– И вот почему, милорд, столько незаконнорожденных детей с цыганской кровью скитаются по деревням! Не говоря уже о цыганах с благородной кровью, которые просто погибают, потому что надежда на лучшую жизнь была отнята у них в последнюю минуту!

Гаррет понимал, что она этими словами ограждала себя, не желая даже думать, что подразумевалось под его предложением, и поспешил перейти в наступление.

– И вы считаете, что принадлежите к ним? – с иронией спросил он.

Его вопрос, очевидно, застал девушку врасплох.

– Ч-что вы имеете в виду?

– У вас тоже отняли надежду на лучшую жизнь? Вы сказали, что ваш отец был дворянином, и, судя по цвету вашей кожи, вы сказали правду. Так вы не из тех ли «погибающих» цыган?

Марианна в растерянности прикусила губу и нахмурила брови:

– Нет. Я говорила не о себе.

– Так, значит, покровительство вашего отца, оказываемое вашей матери, не погубило вас? – продолжал Гаррет.

Было видно, что его замечание поразило девушку. Она опустила голову, чтобы граф не видел ее лица, и тихо сказала:

– Я... я полагаю, нет.

– Но вы остались, как я уже говорил, только с тетей и этой тонкой маской для защиты.

Гаррет заметил, как напряглась рука девушки, сжимаясь в кулак.

– Нас двоих было достаточно, чтобы отпугивать большинство мужчин, – неуверенно ответила она и отвернулась.

Гаррет наклонился, и его губы коснулись ее уха.

– А я без труда сорвал вашу слабую защиту, разве не так? – прошептал он.

Девушка покраснела вопреки явным попыткам игнорировать его. Этот румянец, непонятно почему, доставил Гаррету удовольствие.

Он решил как можно больше узнать об этой таинственной цыганке.

– Вероятно, мне тогда следовало предложить вам мое покровительство, а не золото.

Девушка уже открыла было рот, чтобы выразить свое негодование, но не успела – дверь распахнулась, и вошла Тамара.

– Так я и знала! – гневно воскликнула она, увидев Мину и Гаррета, стоявших в неприличной близости друг к другу. Маска Мины болталась на одной тесемке у плеча, а капюшон сполз на спину. – Я знала, что все это бессовестный обман!

За ней следом вбежал Уильям, потирая голову, на которой красовалась большая шишка. Гаррет сердито посмотрел на Тамару и на Уильяма, крайне недовольный тем, что они прервали интересный разговор.

Уильям беспомощно развел руками:

– Я не ожидал, что эта девка ударит меня вазой по голове, милорд, совсем не ожидал!

Он попытался выдворить Тамару из комнаты, но она, не обращая на него никакого внимания, продолжала кричать, заметив, что граф держит Марианну за руку:

– Сейчас же отпустите ее! Как вы смеете трогать мою племянницу?! И это после всего того, что она сделала для вас! Неблагодарный развратник!

Гаррет и бровью не повел.

– Женщина, я всего лишь предложил ей вознаграждение, – с невозмутимым видом ответил он. – У нее не хватило здравого смысла принять его. Пока еще.

Это как будто заставило Тамару замолчать. Она взглянула на каменное лицо племянницы, затем снова на насмешливое лицо графа.

– Представляю, какую «награду» вы предложили, – прищурился граф, сказала Тамара, – и она действительно утратила бы здравый смысл, если бы приняла ее. Она не так глупа, чтобы лести и ласковые слова соблазнили ее. Мина примет вознаграждение, милорд, и это будет золото и ничего другого. Все, кроме него, тускнеет слишком быстро.

– Я не хочу и его золота! – возмутилась Марианна, вырывая у графа свою руку. – Я не возьму его!

Гаррет пристально смотрел на девушку. Почему она так упорно отказывается взять у него деньги? Неужели она так сильно ненавидит дворян, что презирает и их деньги? Она оказалась совсем не такой, какой он представлял себе цыганскую девушку.

Однако ее тетка явно была женщиной практичной.

– Мы возьмем золото! – заявила она, посмотрев на племянницу предостерегающим взглядом. – Она его заработала.

Правда, девушка заработала. Для нее Гаррету было не жаль золота.

– Конечно, – ответил он и, посылая Уильяма за деньгами, бросил в сторону Мины насмешливый взгляд. Она смотрела ему в лицо горящими от бессильной ярости глазами.

Уильям вернулся с кошельком. Гаррет высыпал из него половину монет и вложил их в руку Тамары. Та криво улыбнулась ему. Когда Уильям проворчал что-то относительно слишком большой суммы, Тамара лишь подняла голову и метнула на него взгляд, заставивший его тут же замолчать.

Мина, указав на монеты, которые Тамара аккуратно складывала в кошелек, висевший у нее на поясе, спросила:

– Вы наконец удовлетворены, милорд? Вы сделали то, чего желали, и вознаградили меня за мои старания спасти вашу шкуру. А теперь оставьте меня и мою тетю в покое. Мы не нуждаемся в таких людях, как вы.

– Да, ведь у вас для защиты есть маска? – с издевкой в голосе заметил Гаррет.

– Да оставьте же нас в покое! – повторила Мина и повернулась, чтобы уйти. Тамара бросила на обоих мужчин презрительный взгляд и, выйдя следом за племянницей, захлопнула за собой дверь.

Гаррет смотрел, как они уходят, со смешанным чувством. Ответы Мины не удовлетворили его, а только еще сильнее возбудили интерес к тому, что она и ее свирепая тетка делают в Лидгейте. Зачем маска? Ее объяснения звучали довольно убедительно, но он чувствовал, что существуют другие причины, которые она утаила.

К тому же в среде горожан он наталкивался на странное молчание в ответ на его вопросы. В таком городке, как Лидгейт, люди никогда не держат свое мнение при себе. Или просто цыгане не интересовали их? Или в этом молчании таилось что-то иное?

– Две приятные на вид девицы, – проворчал Уильям, глядя на закрытую дверь, – но языки у них слишком острые, чтобы доставить удовольствие мужчине.

– Да уж, – рассеянно ответил Гаррет.

– У этой Тамары сильная рука, она так запустила этой вазой, – с усмешкой продолжал Уильям, – но могу поспорить, что она становится как шелк, когда мужчина уложит ее в постель.

Тамара нисколько не интересовала Гаррета. Но Мина... У нее такие пухлые соблазнительные губы. Он мог бы поспорить, что они нежнее шелка.

– Нам что, оставить их в покое, как они просили? – спросил Уильям, лукаво взглянув на хозяйина.

Улыбка медленно появлялась на губах Гаррета, все мысли о мести своему дяде на время уступили место воспоминанию о Мине. Она, может быть, и осторожна, но он знал, что сумеет выведать ее тайны, было бы для этого время.

– Оставить в покое? – вслух подумал Гаррет, отворачиваясь от двери. – Нет, если мое слово что-то значит.

Уильям тоже улыбнулся:

– А вы действительно хотите сказать свое слово, милорд?

– О да, – коротко ответил граф.

Недалеко от Лондона, в маленьком уединенном имении, Бесс Тирл незаметно наблюдала за мужем, который ходил по ее спальне из угла в угол. Его седеющие волосы были подстрижены, как принято у «круглоголовых», по одной линии на уровне подбородка. Но она лучше других знала, что, кроме стрижки, он ничем не походил на «круглоголовых». От донышка своей дорогой шляпы до привезенных из Франции чулок он целиком был во власти жажды денег и титулов, как и роялисты, которых он презирал.

До последнего времени он публично осуждал свободные нравы «кавалеров», добиваясь одобрения как пуританской, так и англиканской церкви, ибо в их руках находились бразды правления. Но потихоньку он неизбежно извлекал выгоду всегда, когда представлялся удобный случай. И чаще всего ему удавалось получить то, чего он хотел, ибо кто откажет в чем-нибудь человеку с его положением и богатством?

Но похоже, кто-то встал на его дороге, думала Бесс, потому что его слишком толстые губы были сжаты от гнева, а его все еще красивое лицо почти никогда не покидало хмурое выражение. Сейчас был неподходящий момент для того, чтобы спросить мужа о том, что ей хотелось узнать. По его угрюмому виду было понятно, что случилось что-то плохое. Однако узнать все же нужно. Если она позволит ему и дальше предаваться этим размышлениям, в конце концов он начнет вымещать свой гнев на ней.

Бесс набралась храбрости и спросила:

– Почему мы все еще не переехали в Фолкем-Хаус? Ты сказал, что скоро переедем. Сказал, что теперь он принадлежит нам. Но мы провели здесь, в глуши, много недель, а ты ничего не сделал, чтобы перевезти наши вещи или...

Она не договорила. Питни резко повернулся. Его светло-голубые глаза побелели от гнева.

– Не говори мне об этом месте! – прорычал он.

Бесс испуганно замолчала. Но она не хотела остаться без ответа. Она должна знать.

– Что случилось? – робко спросила она. – Пожалуйста, Питни, скажи, что...

Муж ударил кулаком об стену:

– Черт побери, женщина! Ты выводишь меня из терпения! – Затем он взглянул на Бесс и с презрительной усмешкой добавил: – Ладно, я скажу тебе правду раз и навсегда, чтобы иметь хоть немного покоя. Ты все равно узнаешь об этом, поскольку мои усилия предотвратить это оказались бесполезными. Фолкем-Хаус потерян. Я не сумел сохранить его. Вот уже несколько недель он принадлежит другому.

Этот ответ Бесс и боялась услышать. Она уже пять месяцев носила своего первого ребенка и была потрясена, узнав, что они не вернутся в Фолкем-Хаус. Она так мечтала, что будет растить ребенка в своем любимом доме, в котором провела детство.

Она слотнула, пытаясь сдержать слезы.

– Теперь Фолкем-Хаус принадлежит вашему племяннику, мадам. Более того, он отобрал и титул, и все земли. Благодаря твоему племяннику я больше не граф, а ты не графиня.

Услышав это, Бесс онемела. Ее племянник?! Но он умер во время войны вместе с ее дорогим братом. И только по этой причине земли перешли к Питни, ведь, кроме нее, не было наследников.

– Я не понимаю, – прошептала Бесс, теребя ткань своего модного платья.

Питни подошел к кровати, на краю которой она сидела. Его лицо пылало от гнева. Он заметил слезы жены, но это, казалось, еще сильнее разозлило его.

– Твоему племяннику удалось скрыться, когда солдаты убивали твоего драгоценного брата Ричарда. Каким-то образом Гаррет пробрался в Вустер и там присоединился к королю. Когда Карл сбежал, Гаррет сопровождал его. Как видишь, до недавнего времени твой племянник жил в изгнании. А теперь он вернулся и отобрал у нас Фолкем-Хаус.

Бесс с трудом могла поверить в то, о чем говорил муж, но знала, что лгать у него не было причины. Когда же до ее сознания дошел смысл сказанного мужем, она вся просияла от радости:

– Гаррет жив! Мой дорогой мальчик жив. Благодарю тебя, Господи, за это.

Питни криво усмехнулся:

– Да, можешь радоваться. Но разве тебе все равно, что он украл имение, которое должно принадлежать мне? Разве для тебя не имеет значения, что он отобрал и титул, и земли, и даже Фолкем-Хаус?

– Он всегда принадлежал ему, – ответила Бесс, осмелевшая от известия, что ее племянник жив. Она уже так привыкла думать, что у нее нет семьи, что теперь сам факт его существования придавал ей смелости. – Ведь он законный владелец.

Эти слова привели Питни в ярость.

– И ты можешь так говорить после всего, что я сделал, чтобы вернуть Фолкем-Хаус? Я делал это ради тебя, ради нас. Я думал, ты хочешь получить его любой ценой.

Бесс взглянула в лицо человека, которого привыкла презирать, и спокойно произнесла:

– Я хотела, чтобы он снова принадлежал моей семье. И сейчас так оно и есть. Для меня не имеет значения, что им владеет мой племянник, поскольку он – Лайон.

– Лайон! – злобно прошептал Питни. – Твое проклятое семейство причинило мне больше горя, чем сотня роялистов. Из-за твоего подлеца племянника я потерял все, включая Фолкем-Хаус!

Бесс понимала, что не следует раздражать мужа, но не могла остановиться:

– Прежде всего ты не должен был продавать его! Если бы не твоя жадность, он так и оставался бы в семье.

Питни занес руку, чтобы ударить жену, но она смело встретила его взгляд.

– Будь он проклят! – тихо выругавшись, Питни опустил руку. – Теперь из-за него ты не желаешь слушаться меня. Но лучше выкиньте эту мысль из головы, мадам, это не принесет вам пользы. Ваш племянник не хочет иметь дела ни с одним из нас, так что, если вы собираетесь сбежать и укрыться у него, сначала подумайте. Как только он увидит вас, тут же убьет.

У Бесс задрожала нижняя губа, но она старалась побороть охвативший ее страх.

– Почему он должен ненавидеть меня? Он же не может обвинить меня в получении наследства, когда его здесь не было. И он не претендовал на него. Мы даже не знали, что он жив!

Тут Питни повернул голову и с торжеством посмотрел на жену.

– Мы не знали, не правда ли? – неуверенно спросила она. Питни ухмыльнулся в ответ. – О Боже! – беспомощно произнесла Бесс, почувствовав, как от боли у нее сжалось сердце. – Ты знал! Ты знал, что он жив, и не сказал мне!

Ее родного племянника намеренно бросили, а она ничего об этом не знала.

Питни протянул руку к ее бледному лицу и, приподняв его, провел большим пальцем по ее все еще красивым губам.

– Сначала я не знал, – равнодушным тоном объяснил он. – Но потом пришли письма из Франции, от Гаррета. Он просил меня сохранить его земли до его возвращения. Гордость не позволяла ему просить денег, но я знал, что он нуждался в них. – Взгляд Питни наполнился ненавистью. – Я-то думал, что он умер вместе с родителями. Думал, что мне наконец принадлежит весь мир. Титул, земли – у меня было все. И вдруг все пошло прахом...

– Почему ты не сказал мне о письмах? – тихо спросила Бесс.

– Чтобы слушать, как ты скулишь о том, что надо вернуть Гаррету дом? Сам Кромвель хотел сделать меня... министром. И это только благодаря моему титулу. Ему хотелось привлечь дворянство на свою сторону. И будь здесь этот роялистский щенок, я бы потерял свой шанс, это точно.

– Поэтому ты отказался вернуть Гаррета сюда, – в задумчивости проговорила Бесс. Она вдруг представила себе, что бы сделал ее алчный муж, узнав, что ему придется лишиться титула. – А как ты объяснил ему это? Как ты объяснил, что не хочешь его возвращения, потому что это нарушит твои планы?

Питни с удивлением посмотрел на жену:

– Объяснил? Уж не думаешь ли ты, что я что-нибудь рассказал Гаррету? Дура, я не ответил на его письма. Он прислал их пять, и каждое следующее было отчаяннее предыдущего. Все письма я порвал.

– Нет! – в ужасе прошептала Бесс.

– Да! – с вызовом произнес Питни. – Я был уверен, что если выжду достаточно время, твой племянник умрет с голоду там, во Франции, вместе с другими изгнанниками. Прошло некоторое время, а от него не было никаких известий. Я решил, что он умер. Но нет! Твой любимый племянничек вернулся в Англию и все отобрал у меня. Я думал, что роялисты не вернутся никогда!

Бесс отвернулась от мужа. Тихое отчаяние охватило ее. Племянник и Фолкем-Хаус теперь потеряны для нее. Муж позаботился об этом. Она помнила Гаррета десятилетним мальчиком. Он отличался сообразительностью и самоуверенностью и этим напоминал ей брата.

Что сделали с Гарретом годы скитаний? Как он выжил? Она слышала, что изгнанники в те годы не всегда имели еду на столе. Как-то раз Питни сказал, что даже король живет в нищете. Что уж говорить о Гаррете. Каково ему было на чужбине без денег и без родителей? Гаррет, конечно, винит в своих злоключениях и ее. Как же иначе? Простит ли он когда-нибудь, что она отказалась от него?

Гаррету было тринадцать, когда Бесс видела его в последний раз. Он достаточно хорошо знал ее мужа, знал, какой это жестокий человек. Конечно, он не забыл это. Он поверит ей, когда она скажет, что ничего не знала. Он поможет ей вырваться из этого несчастливого брака. Она наконец сможет покинуть Питни и не бояться его мести.

Питни с подозрением посмотрел на жену, затем запустил руку в ее темные волосы и повернул голову так, что она вынуждена была смотреть ему в лицо.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Тебе лучше забыть о бегстве к племяннику. Я убью вас обоих, если ты сбежишь. Ты знаешь, я способен это сделать.

– Ненавижу тебя! – воскликнула Бесс.

– Ненавидишь? – Питни дернул жену за волосы с такой силой, что она вскрикнула. Свободной рукой он дотянулся до воротника ее платья, расстегнул его и, просунув руку вовнутрь, крепко ухватил ее за грудь. Бесс с трудом сдержала отвращение к нему. – Можешь сколько угодно ненавидеть меня, но ты все равно принадлежишь мне, моя благородная женушка. Если ты собираешься сбежать к своему племяннику, то помни: твоя жизнь в моих руках.

Питни с силой стиснул грудь, но Бесс не закричала от боли, не желая этим доставить ему удовольствие.

– Мне все равно, что будет со мной, – с пылающими от гнева глазами сказала она. – А у тебя не хватит смелости убить Гаррета.

Питни криво усмехнулся. Его рука продолжала шарить у жены под сорочкой, пока не добралась до ее живота.

– Значит, ты готова рисковать и жизнью своего ребенка? – спросил он.

Испуг отразился на лице Бесс. Нет, он, конечно, не это хотел сказать. Не о ее ребенке. Они прожили в браке четырнадцать лет и оставались бездетны. Теперь наконец Бесс забеременела. Она так давно хотела иметь ребенка. Ей был нужен кто-то, кого она могла бы любить и лелеять.

– Ты не навредишь собственному ребенку, – прошептала Бесс, чувствуя, как под рукой Питни шевельнулся в животе ребенок.

– Если бы он был моим, ему бы ничего не грозило. Но я не уверен, что он мой, – холодным тоном произнес Питни и больно ущипнул жену за грудь.

– Он твой, – заявила Бесс, стараясь голосом не выдать того, что говорит неправду. Ей так хотелось уколоть его, сказав прямо в лицо, что он никогда не был способен иметь детей и что один из красивых купцов, с которыми он имел дело, без труда сделал ей ребенка.

Но Бесс не отважилась на такое, понимая, что пострадает и сама, и ее ребенок. Питни убьет и ее любовника, единственного человека, относившегося к ней с такой добротой. Он ничего не знал о ребенке. Бесс не говорила ему, ибо знала, что сделает Питни, если она сбежит с этим купцом. Она не хотела рисковать. Она должна заставить Питни поверить, что это его ребенок.

– Ребенок не интересует меня, – грубо прошептал он ей на ухо. – Я могу уничтожить мать, не уничтожая дитя. Не выводи меня из терпения. Отправляйся к Гаррету, и я увижу, как вы с племянником умрете и оставите ребенка без матери.

Бесс вся задрожала. Муж снова загнал ее в ловушку. Она не знала, как долго сможет вынести это, оставаясь с ним. Но вынести она должна ради своего ребенка. Она не может умереть и допустить, чтобы его растил Питни.

Бесс молчала.

– Значит, жена, обещаешь быть послушной? – спросил Питни, устремив на нее похотливый взгляд.

Бесс подняла затуманенные печалью глаза, посмотрела ему в лицо и, стараясь сохранить спокойствие, с достоинством кивнула.

Он глумливо улыбнулся и выпустил ее волосы из рук. Затем он ослабил пояс нижних штанов, и они упали на пол. Положив руку Бесс на плечо, Питни силой заставил ее опуститься перед ним на колени.

– Посмотрим, как ты будешь послушна, жена, – пробормотал он и, обхватив ее за голову, пригнул к своей вздыбившейся плоти.

– Пожалуйста, Питни, – прошептала Бесс с выражением отвращения на лице. Как она могла совершить такую глупость и выйти за него замуж? Ей следовало бы прислушаться к словам своего брата, когда он говорил, что Питни нельзя доверять. Но ее покорили мужественность Питни, нежные слова и красивая внешность.

Сейчас Бесс думала о том, что просил сделать ее муж, и колебалась.

– Помни о ребенке, – угрожающим тоном произнес Питни и притянул голову жены ближе к себе. – Тебе лучше доказать мне свое послушание, если хочешь жить ради этого щенка.

Всем сердцем Бесс ненавидела мужа, но какое это имело значение, если он был сильнее ее. Заливаясь слезами, она доказала, что послушна ему.

Глава 6

*К бокалу твои губы прикоснулись,
И вижу я – один лишь поцелуй
В вино мгновенно воду превращает.*

Роберт Геррик. Речным нимфам, пьющим воду из фонтана

Утренняя заря заливала пламенным светом сады Фолкем-Хауса, таинственно мерцая каплями росы. Марианна лишь на минуту остановилась полюбоваться красотой этого утра, затем поплотнее завернулась в накидку и стала пробираться сквозь невысокие кусты по заросшей сорняками тропинке. В холодном осеннем воздухе было заметно дыхание, вырывавшееся из губ облачками тумана.

Наконец она остановилась возле заросших травой грядок и украдкой огляделась вокруг. Ничто не нарушало покоя этого укромного места, рядом с которым росли яблони. Это был особый сад ее матери, где она выращивала лечебные травы. Марианна внимательно оглядела заросшие буйными сорняками грядки. Стараясь не шуметь, она пробиралась все дальше, пока не заметила алые ягоды и темно-фиолетовые цветы – признаки черных «ветреных ягод» семейства пасленовых.

Слава Богу, они пережили эти месяцы запустения. Эти растения встречались довольно часто на полях и в канавах, но здесь были необыкновенные экземпляры. Ее отец приложил немало труда, чтобы несколько лет назад привезти из Франции специально выведенный сорт. Французы научились выращивать растения с особыми свойствами, и «ветреные ягоды» могли применяться в самых различных случаях, даже в смертельных.

Марианна вынула из-под накидки маленькую лопатку, затем, опустившись на колени, осторожно выкопала несколько растений, намереваясь унести их с собой и пересадить в другом месте. Она завернула корни в мокрые тряпки и опустила их в мешочек.

Марианна еще раз оглянулась на погруженный в тишину дом. Никто еще не появлялся. Вдруг ее охватила злость при виде застекленных окон, весело отражавших первые лучи утренней зари. Она должна бы находиться в доме, а не тайком бродить здесь в холоде и сырости! Как несправедливо, что она, леди, вынуждена приходить крадучись в свой собственный сад! Она заставит графа Фолкема заплатить за эту несправедливость, пусть даже это будет последнее, что она сможет сделать в своей жизни!

Марианна отвернулась, посмотрела на сад и не двинулась с места. Теперь, когда у нее были «ветреные ягоды», ей следовало уходить. Но где еще она найдет столько трав, нужных для ее сада? Мистер Тиббет пользовался порошками и сухими травами, привезенными из Лондона. Иногда у него имелось то, что было ей нужно, а иногда нет. Чтобы заниматься целительством, ей необходимы свежие травы.

Один из жителей отдал Марианне кусок земли для ее сада, однако потребуются месяцы, чтобы проросли семена и растения укоренились. А здесь, в имении, были все нужные для целительства травы и никто не обращал внимания на этот отдаленный участок сада. Почему бы не взять все, что нужно, когда никто ей не помешает?

Приняв такое решение, Марианна стала пробираться по саду, останавливаясь то тут, то там, чтобы выкопать нужные растения.

Марианна старалась не думать о графе, спящем в доме совсем неподалеку. Всю прошедшую неделю она пыталась забыть тот день, когда он разоблачил ее, гнала из памяти сделанное им оскорбительное предложение. Но забыть о графе было не так просто, когда тетя Тамара каждый день не уставала повторять о том, как глупо связываться с таким человеком.

Марианна, безусловно, не хотела иметь с ним дела. Но воспоминания, как будто назло, не отпускали ее от него. Марианна с волнением вспоминала о том, как он смотрел на нее. Казалось, его взгляд проникает под одежду. Однако хуже всего было то, что прикосновение графа не вызвало у Марианны отвращения. Она его боялась, но не испытывала отвращения.

«Это только потому, что я мало общалась с мужчинами», – говорила она себе, но в этом была не вся правда, и Марианна это понимала. Семья Уинчилси вела уединенный образ жизни. Правда, время от времени они посещали балы или семейные обеды, но баронет с его «испанской» женой не был любимцем общества. Уинчилси мало общались с людьми своего круга. Отец Марианны находил друзей среди интеллектуалов, эксцентричных личностей. Объединяющий их интерес к медицине делал их безразличными ко всему остальному. Марианна выросла в окружении людей, настолько поглощенных наукой, что они просто не имели времени интересоваться ею. Даже когда она стала старше, друзья отца относились к ней скорее как к младшей сестре, чем как к женщине, за которой стоило бы поухаживать.

По мере того как росла ее дочь, Дантела Уинчилси начала беспокоиться о ее будущем, но Марианну нисколько не волновал тот факт, что она может остаться незамужней. Ей всегда хотелось пойти по стопам родителей, а для этого муж не нужен.

Когда умерла мать, у Марианны почти не оставалось времени для балов и званых обедов. Она вела хозяйство в имении отца и была занята с утра до вечера. Время от времени кто-нибудь из молодых друзей отца обращал на нее внимание, одному из них даже удалось сорвать ее поцелуй, но сама Марианна ни одного из них не воспринимала всерьез. И вот теперь эта встреча с графом. Он смотрел на Марианну такими... голодными глазами. Да, именно так – как голодающий, впервые за долгое время допущенный на пир. Такой взгляд было трудно выдержать. Как и устоять перед ним.

«Хватит тебе думать об этом графе», – строго приказала себе Марианна. Нет смысла позволять ему испортить ей еще один день. Кроме того, у нее есть дела поважнее. Надо поживее собрать травы и ухаживать, пока кто-нибудь не обнаружил ее здесь. Вот тогда она попадет в настоящую беду.

– Медленно поднимитесь, если хотите прожить этот день. – Раздавшийся позади громкий голос вывел Марианну из задумчивости.

«Вот и убежала, пока меня не заметили», – уныло подумала она и, узнав раскатистый голос, почувствовала, что готова от стыда провалиться сквозь землю. Граф Фолкем! Она как будто вызвала его своими мыслями. Вдруг что-то острое уперлось Марианне в ребра, и она вся внутренне сжалась. О Господи, этот человек приставил шпагу к ее спине!

– Стойте! – приказал граф, и Марианна повиновалась, в душе проклиная свою накидку, в которой ночью ее можно было принять за воровку.

– Это всего лишь я, цыганка, – чуть слышно прошептала Марианна. – Я не делаю ничего плохого, милорд.

– Повернитесь, – коротко скомандовал граф, и Марианна так быстро повернулась, что споткнулась, наступив на край накидки. Она широко раскрыла глаза, увидев его чеканное лицо, казавшееся в слабом утреннем свете мрачным и жестоким. Он держал шпагу наготове. Его взгляд остановился на маске, которую Марианна надела на случай встречи с незнакомым человеком. Затем он оглядел ее с ног до головы, заметив, что под накидкой, где Марианна одной рукой придерживала мешочки с травами, что-то оттопыривается.

– Снимите маску и накидку, – так же строго приказал граф.

– Не сниму! – возразила Марианна. – Вы же знаете, кто я!

Граф угрожающе поднял шпагу:

– Снимайте!

Выпустив из рук мешочки, Марианна трясущимися руками развязала тесемки маски, а затем сняла и накидку.

Граф опустил шпагу и обвел взглядом ее фигуру, задержавшись на тонкой длинной шее и груди, прикрытой прозрачной муслиновой сорочкой. Он пробежал глазами по жесткому корсажу ее простого шоколадно-коричневого цвета платья, по тонкой от природы талии и округлым бедрам. В эти дни Марианна не надевала много нижних юбок, и поэтому ее фигура выглядела именно такой, какой ее создала природа.

– Очаровательно, – с улыбкой проговорил граф, возвращаясь взглядом к лицу Марианны, – как я и думал.

Он вложил шпагу в ножны.

Марианна поняла, что он заставил ее снять накидку лишь для того, чтобы удовлетворить свое похотливое любопытство и поглазеть на ее тело. Она с негодованием схватила накидку.

– Вы... вы, сэр, – развратник! – воскликнула она, неловко натягивая ее на плечи. Она пыталась завязать тесемки, но от волнения ей это не удавалось. Накидка снова соскользнула вниз.

Граф тихо усмехнулся:

– Кто же вы, моя цыганочка? Шпионка? Воровка? Что вы здесь делаете, тайком, на расвете? Вы так напугали кухарку, что она нарушила мой крепкий сон, потребовав, чтобы я разобрался с незваным гостем.

Марианна покраснела под пристальным взглядом графа.

– Я... я только хотела позаимствовать кое-какие растения из вашего сада, милорд, – ответила она и, опустившись на колени, вынула из мешочка одно из растений. – Видите? Я хочу завести собственный садик и... ну... я подумала, что вы не станете возражать, если я возьму те, которые трудно вырастить. Ведь у вас их множество, и вам они, конечно, не нужны. А весной я могла бы принести вам некоторые из моего сада, которые укоренились и... и размножились.

С выражением недоверия на лице граф подошел ближе и опустил на колени так близко от Марианны, что она невольно вздрогнула. Он заглянул в мешочки, но, не найдя в них ничего, кроме растений, поднялся и протянул руку, чтобы помочь встать Марианне. Она словно не заметила этого и поднялась сама.

– Так, значит, эта упрямая цыганка, не желающая брать мои деньги, не так уж независима, как она старается всех уверить, не так ли? – сказал Гаррет с нотками превосходства в голосе. – Для вас было бы слишком унижительно попросить у меня эти травы? Вы подумали, что я пожалею для вас несколько ничтожных растений?

Марианна подняла голову:

– Я понятия не имею, о чем вы могли бы пожалеть, милорд.

Гаррет молча оглядел сад, словно хотел убедиться, не занималась ли она чем-то еще, кроме выкапывания трав.

– Мои сады довольно велики, как вы узнали, где вы найдете то, что вам нужно? – недоверчиво спросил он. – Вы не могли побыть здесь более получаса, а уже набрали неплохой запас трав.

Вопрос застал Марианну врасплох. Она пыталась скрыть смущение и искала ответа, который мог бы удовлетворить его. И нашла.

– Я бывала здесь раньше. Прежние владельцы позволяли мне брать все, что я хотела, поэтому я не задумываясь пришла сюда. Я привыкла собирать здесь то, что мне нужно.

Неожиданно граф шагнул к Марианне и, взяв ее за подбородок, поднял голову так, что ее глаза оказались на уровне его глаз.

– И поэтому вы пришли в такой час, зная, что никто не увидит вас? Я бы сказал, что так делают воры, а не гости.

На глаза Марианны набегали слезы, готовые пролиться в любую минуту.

– Я не воровка, – обиженно прошептала она, заметив на лице графа слабую улыбку, возмутилась: – Уинчилси никогда не называли меня так, и вам я не позволю! Вас не интересуют

сады, так какое вам дело до того, что я взяла несколько растений? От вашей заботы они просто превратились бы в сорняки!

Губы графа превратились в одну тонкую линию. Отпустив Марианну, он наклонился и вытащил какое-то растение из мешочка. У нее забилося сердце, тогда она увидела в его руках «ночную тень».

– В сорняки? – переспросил он. – Я бы не назвал белладонну просто сорняком, а вы?

Марианна заставила себя сохранять спокойствие. Если граф узнал растение, то он должен знать и его свойства. Он наверняка заподозрит, что она использует его с самой дурной целью.

– Я пользуюсь белладонной для припарок, – спокойным тоном сказала Марианна.

– А я-то думал, для того, чтобы сделать взгляд ваших очаровательных глаз еще более таинственным, – с сарказмом проговорил Гаррет.

Это тоже было одним из свойств растения: итальянские дамы пользовались им, чтобы расширить зрачки и таким образом придавать взгляду особое очарование.

– У меня нет желания выглядеть таинственной.

Граф рассмеялся в ответ:

– У вас нет желания выглядеть таинственной, поэтому вы прячетесь под накидкой и маской, пробираетесь украдкой в мой сад, воруете мои травы, в основном ядовитые...

– Я никого не хочу отравить, милорд! – в отчаянии воскликнула Марианна. – Мне нужна белладонна лишь для приготовления лекарств! А остальные всего лишь травы, вы сами можете это видеть. Почему вам надо поднимать такой шум из-за нескольких растений?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.